

ЗАПИСКИ

КНЯЗЯ

С. П. ТРУБЕЦКАГО.

ИЗДАНИЕ ЕГО ДОЧЕРЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

Записки Кн. С. П. Трубецкаго.

Записки Князя Сергѣя Петровича Трубецкаго начаты въ Сибири. Онѣ не были приведены авторомъ въ порядокъ и появились въ печати за границей, сначала въ Лондонѣ, потомъ въ Лейпцигѣ по копіи, снятой съ черновика и не всегда точной и полной.

Въ настоящемъ изданіи „Записки“ печатаются съ подлинной рукописи въ томъ видѣ, какъ Кн. С. П. Т. оставилъ ее. Онъ началъ приводить „Записки“ въ порядокъ, но не кончилъ этой работы. Часть записокъ появляется здѣсь впервые. Въ приложеніи къ запискамъ печатается нѣсколько писемъ изъ семейной и оффиціальной переписки.

Къ книгѣ приложены три портрета Князя С. П. Трубецкаго: первый миниатюра 1820 года, съдланная въ Парижѣ, второй—акварель работы Николая Александровича Бестужева, рисованная въ Сибири, третій—фотографія снятая по возвращеніи изъ ссылки, четвертый портретъ,—Княгини Е. И. Трубецкой, рожденной графини Лаваль, миниатюра. Для настоящаго изданія портреты воспроизведены фототипіей у Голике и Вильборга.

Въ приложеніи печатаются двѣ статьи, очень важныя для времени своего написанія, середины пятидесятихъ годовъ. Онѣ нацлились въ бумагахъ Кн. С. П. Трубецкаго, писанныя его рукой. Одна изъ нихъ, „Восточный вопросъ съ русской точки зрѣнія“—произведеніе Б. Н. Чичерина; авторъ второй неизвѣстенъ,—и возможно, что Кн. Трубецкой только самъ списалъ ее для себя; но такъ какъ даже и въ послѣднемъ случаѣ она характерна для его настроенія того времени, какъ и первая статья, то обѣ статьи здѣсь печатаются, тѣмъ болѣе, что онѣ очень интересны сами по себѣ, а, напечатанныя давно уже за границею, онѣ теперь совсѣмъ неизвѣстны.

З. С. Свербеева.

I.

ПИСЬМО КЪ ДѢТЯМЪ.

Со времени вступленія дома Романовыхъ на Россійскій Престоль, малая только часть Государей наслѣдовало его спокойно по праву своего рожденія; но большая часть перемѣнъ царствованій были слѣдствіемъ насилія, или обмана. Ни которое изъ нихъ однакоже не было сопровождено такими происшествіями, которыми ознаменовано было начало нынѣшняго царствованія. Торжественный судъ произнесъ свой приговоръ надъ участвовавшими въ нихъ. При всемъ томъ однакоже, многія обстоятельства остались неизвѣстными народу; они или не открыты Слѣдственной Комиссіей, или скрыты правительствомъ съ намѣреніемъ.

Исторія со временемъ откроетъ всѣ тайныя обстоятельства этого дѣла; но цѣль этихъ записокъ не есть то, чтобы они могли служить матеріалами для будущаго историка Россіи. Я ихъ оставляю дѣтямъ моимъ для того, что бы они знали почему они родились и выросли въ Сибири, и почему они не наслѣдовали тѣхъ правъ состоянія, которыя принадлежали ихъ родителямъ. Видя въ малолѣтствѣ своемъ родителей своихъ въ состояніи отличномъ отъ прочихъ людей, они не могли давать себѣ отчета въ причинахъ,

поставившихъ ихъ въ это состояніе. Когда же придутъ въ возрастъ, то будутъ слышать различныя сужденія о нихъ, и будутъ въ недоумѣніи, что самимъ думать. Бывъ свидѣтелями правильной и благочестивой жизни родителей своихъ, имъ можетъ въ возрастѣ ихъ, придти мысль укорить Провидѣніе въ несправедливости, а правительство въ угнетеніи невинности. Молодые ихъ умы не въ состояніи будутъ согласить мысль, внушенную имъ въ воспитаніи, что все въ мірѣ случается по благой волѣ Провидѣнія. Они могутъ въ умѣ своемъ оспаривать эту благодать; и такой образъ мыслей съ ихъ стороны былъ-бы для нихъ верхомъ несчастія, а потому необходимо для нихъ прочесть въ сихъ запискахъ, что именно привело ихъ отца въ то положеніе, въ которомъ они видѣли его во время своей юности, и тѣмъ убѣдиться, что истинное благое и справедливое провидѣніе предастъ человѣка той судьбѣ, которую онъ самъ себѣ устроилъ.

II.

ПИСЬМО КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

Ты же, другъ мой, который зналъ и любилъ меня въ такъ называемыя счастливыя лѣта моей жизни, который, я увѣренъ, сохранилъ и по днесъ истинную ко мнѣ дружбу, хотя она, со времени нашей разлуки ничѣмъ не могла измѣниться, ты имѣешь полное право на всю мою довѣренность. Тебѣ въ этихъ запискахъ откроются безъ малѣйшаго укрывательства, всѣ чувства, руководившія мною въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя истинная моя къ тебѣ дружба заставляла меня оставить для тебя тайною. Ты знаешь, что никогда не слыхалъ отъ меня слова, которое могло-бы поставить тебя въ затрудненіе рѣшить между дружбою, между нами бывшею, и тѣмъ, что ты почиталъ долгомъ своимъ, какъ гражданина. Ты былъ слишкомъ дорогъ для меня, что-бы я захотѣлъ подвергать тебя моей опасности въ политической жизни, которой я самъ подвергался. И я увѣренъ, что ты въ сердцѣ своемъ, отдаешь мнѣ полную справедливость, хотя можетъ-быть и приходила тебѣ иногда мысль, что имѣя и въ этомъ къ тебѣ довѣренность, я избѣгнулъ-бы судьбы меня постигшей. Съ младенчества моего вкоренена въ сердцѣ моемъ увѣренность, что Промыслъ Божій ведетъ человѣка ко благу,

какъ-бы путь, которымъ онъ идетъ ни казался тяжелъ и не счастливъ. Эта увѣренность не уменьшилась, но укрѣпилась еще съ тѣхъ поръ, когда обстоятельства моей жизни приняли оборотъ, для всякаго посторонняго зрителя, несчастный. Въ теченіи этого времени, я имѣлъ случай познать всю благодѣтельность Вышняго Промысла и научился благодарить его за все посылаемое счастье и несчастье. Я убѣжденъ, что если-бы я не испыталъ жестокой превратности судьбы и шелъ-бы безъ препятствій блестящимъ путемъ мнѣ предстоявшимъ, то со временемъ сдѣлался-бы недостойнъ милостей Божіихъ и утратилъ-бы истинное достоинство человѣка. Какъ же я благословляю десницу Божию, проводящую меня по терновому пути и тѣмъ очистившую сердце мое отъ страстей мною обладавшихъ, показавшую мнѣ въ чемъ заключается истинное достоинство человѣка и цѣль человѣческой жизни, а между тѣмъ наградившую меня и на земномъ поприщѣ ни съ какимъ другимъ несравненнымъ счастьемъ семейной жизни, и неотъемлемымъ духовнымъ благомъ, спокойной совѣстью.

По окончаніи отечественной войны, имя Императора Александра гремѣло во всемъ просвѣщенномъ мірѣ, народы и Государи, пораженные его великодушіемъ, предавали судьбу свою его волѣ, Россія гордилась имъ и ожидала отъ него новой для себя судьбы. Онъ объявилъ Манифестомъ благодарность свою войску и всѣмъ сословіямъ народа Русскаго, вознесшаго его на высочайшую степень славы; обѣщалъ, утвердивъ спокойствіе всеобщимъ миромъ въ Европѣ, заняться устройствомъ внутренняго благоденствія ввѣреннаго Провидѣніемъ державѣ его пространнаго Государства.

Нѣкоторые молодые люди, бывшіе за Отечество и Царя своего на полѣ чести, хотѣли быть вѣрною дружиной вождя своего и на поприщѣ мира. Они дали другъ другу обѣщаніе словомъ и дѣломъ содѣйствовать Государю своему во всѣхъ начертаніяхъ его для блага своего народа. Ихъ было мало, но они увѣрены были, что кругъ ихъ ежедневно будетъ увеличиваться, что другіе, имъ подобные не захотятъ ограничиться славою военныхъ подвиговъ, и пожелають оказать усердіе свое и любовь къ отечеству не однимъ исполненіемъ возложенныхъ службою обязанностей но посвященіемъ всѣхъ средствъ и способностей своихъ на содѣйствіе общему благу во всѣхъ его видахъ.

Отъ поступающихъ въ это маленькое общество требовалось: 1-е, строгое исполненіе обязанностей по службѣ;

2-е, честное, благородное и безукоризненное поведение въ частной жизни; 3-е, подкрѣпленіе словомъ всѣхъ мѣръ и предположеній Государя къ общему благу; 4-е, разглашеніе похвальныхъ дѣлъ и осужденіе злоупотребленія лицъ по ихъ должностямъ. Дѣйствіе общества должно было основываться на томъ разсужденіи, что многіе изъ Правительственныхъ лицъ и частныхъ людей будутъ возставать противъ нѣкоторыхъ намѣреній Императора (какъ напр. было касательно свободы крестьянъ) и слѣдовательно, какъ-бы ни былъ слабъ голосъ тѣхъ, которые стали-бы ихъ оправдывать, — но непрерывное склоненіе въ обществѣ разговора на извѣстный предметъ и оправданіе его, убѣдить многихъ, дастъ силу правительству привести въ исполненіе свое благое намѣреніе. Сначала молодые люди ограничивались только разговорами между собою. Еще не извѣстно было, что именно Государь намѣренъ былъ сдѣлать; но въ увѣренности, что онъ искренно желаетъ устроить благо Россіи, рѣшено было дать форму обществу и опредѣлить порядокъ дѣйствій, которыми намѣрены были поддерживать и подкрѣплять предположенія Государя. 9-го февраля 1816 года, Пестель, Никита Муравьевъ, Сергѣй Шиповъ и Трубецкой положили основаніе обществу. Къ нимъ пристали Александръ Николаевичъ Муравьевъ, Николай Новиковъ (бывшій Правителемъ канцеляріи у кн. Репнина), Илья Бибиковъ, князь Илья Долгорукій, Федоръ Николаевичъ Глинка, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостоль, князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ и Якушкинъ. Пестелю, Долгорукову и Трубецкому поручено было написать уставъ Общества, послѣдній занялся правилами принятія членовъ и порядкомъ дѣйствій ихъ въ обществѣ; Долгорукій цѣлью общества и занятіями его для ея достиженія; Пестель формою принятія и внутреннимъ образованіемъ. Онъ имѣлъ пристрастіе къ формамъ масонскимъ, и хотѣлъ, чтобы

нѣкоторыя подобныя были введены для торжественности. При первомъ общемъ засѣданіи для прочтенія и утвержденія устава, Пестель поселилъ въ нѣкоторыхъ членахъ нѣкоторую недовѣрчивость къ себѣ; въ прочитанномъ имъ вступленіи онъ сказалъ, что Франція блаженствовала подъ управленіемъ комитета общественной безопасности. Возстаніе противъ этого было всеобщее, и оно оставило невыгодное для него впечатлѣніе, которое никогда не могло истребиться и которое на всегда поселило къ нему недовѣрчивость.

Массонскія формы, введенныя въ засѣданіяхъ и въ принятіи членовъ, затрудняли дѣйствіе общества и вводили какую-то таинственность, которая была въ противности съ характеромъ большей части членовъ. Они хотѣли дѣйствія явнаго и открытаго, хотя и положено было не разглашать намѣренія, въ которомъ они соединялись, чтобы не вооружить противъ себя неблагонамѣренныхъ. Общихъ собраній не требовалось, но только частныя свиданія для сообщенія предметовъ, требовавшихъ распространенія свѣдѣній о нихъ въ публикѣ. И потому положено было, чрезъ непродолжительное время, измѣнить въ этомъ отношеніи уставъ, какъ признанный неудобнымъ въ приложеніи. Пестель, скоро по учрежденіи общества долженъ былъ уѣхать въ Митаву, корпусную квартиру Генерала Витгенштейна, у котораго онъ былъ адъютантомъ. Трубецкой также долженъ былъ уѣхать изъ столицы. Въ теченіи 1817 года часть гвардіи отправлялась въ Москву, куда выѣзжалъ дворъ. Члены, которыхъ число умножилось въ это время, были также разсѣяны и только не многіе оставались въ Петербургѣ. Между тѣмъ Императоръ Александръ приступилъ къ исполненію двухъ своихъ мыслей: 1-е, былъ составленъ проектъ для освобожденія крестьянъ Эстляндскихъ и явно начали говорить, что онъ намѣренъ дать сво-

боду всѣмъ крестьянамъ помѣщичьимъ; 2-е, другой проэктъ, переданный графомъ Аракчеевымъ, былъ учрежденіе военныхъ поселеній, изъ котораго мы поняли слова благодарнаго манифеста Императора, по окончаніи войны съ французами, въ которомъ онъ, въ награду войску, обѣщаль осѣдлость. Первый проэктъ долженъ былъ имѣть противниками почти всѣхъ помѣщиковъ, требовалось неусыпное дѣйствіе членовъ для поддержанія его и направленія общаго убѣжденія въ необходимости этой мѣры. Должно было представить помѣщикамъ, что рано или поздно крестьяне будутъ свободны, что гораздо полезнѣе помѣщикамъ самимъ ихъ освободить, потому что тогда они могутъ заключить съ ними выгодныя для себя условія, что если помѣщики будутъ упорствовать и не согласятся добровольно, то крестьяне могутъ вырвать у нихъ себѣ свободу и тогда отечество можетъ быть на краю бездны. Съ возстаніемъ крестьянъ неминуемо соединены будутъ ужасы, которыхъ никакое воображеніе представить себѣ не можетъ, и государство сдѣлается жертвою раздоровъ, и можетъ быть, добычею честолюбцевъ; наконецъ можетъ распасться на части, и изъ одного сильнаго государства обратиться въ разныя слабыя. Вся слава и сила Россіи можетъ погибнуть, если не навсегда, то на многіе вѣка. Члены общества были молодые люди, не имѣвшіе еще собственныхъ помѣстьевъ; они не могли дать примѣра согражданамъ освобожденіемъ собственныхъ крестьянъ и потому имъ предстоялъ одинъ только способъ дѣйствія, — убѣжденіе словомъ. Второй проэктъ, учрежденіе военныхъ поселеній для всей арміи, былъ такое дѣло, котораго дальнѣйшія послѣдствія могли укрываться и отъ взоровъ самыхъ проницательныхъ мужей, опытнѣйшихъ въ государственномъ управленіи.

Ему было положено начало еще въ 1811 году, поселеніемъ Елецкаго полка въ Могилевской губерніи. Но въ

1812 году поселеніе было разрушено вторженіемъ непріятеля, и невозможно было изъ малаго кратковременнаго опыта судить въ какой степени могло быть полезно или вредно это учрежденіе для государства. Гр. Аракчеевъ не уклонялся отъ исполненія возложеннаго на него порученія, но однако началъ тѣмъ, что представилъ возраженія и предлагалъ, вмѣсто военныхъ для солдатъ поселеній, сократить срокъ службы нижнимъ чинамъ, опредѣливъ вмѣсто 25-ти лѣтняго срока, 8-ми лѣтній. Государь былъ убѣжденъ въ пользѣ своего предначертанія, и исполненіе начато. Оно встрѣтило всѣмъ извѣстное сопротивленіе въ крестьянахъ тѣхъ селеній, въ которыхъ положено ему начало. Жестокими мѣрами и нѣкоторыми уступками преодолено было упорство крестьянъ. Долго члены общества собирали свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, слушали о немъ разсужденія, наводили на него рѣчь и старались изслѣдовать его во всѣхъ отношеніяхъ, прежде нежели рѣшились составить о немъ собственное мнѣніе. Наконецъ остановились на томъ, что новое образованіе арміи усилить ее, образуетъ хорошихъ солдатъ, приучивъ ихъ съ малолѣтства къ исправленію воинской службы, доставить возможность содержать войско съ меньшимъ отягощеніемъ народа и уничтожить частые рекрутскіе наборы. Но что, съ другой стороны, оно образуетъ въ Государствѣ особую касту, которая не имѣя съ народомъ почти ничего общаго, можетъ сдѣлаться орудіемъ его угнетенія, что эта каста, составляя собою силу, которой въ государствѣ ничто противустоятъ не можетъ, сама будетъ въ повиновеніи безусловномъ нѣсколькихъ лицъ, или одного хитраго честолюбца. Сверхъ того, ненавистный начальникъ можетъ быть причиною возстанія ввѣренной ему части, и какая возможность къ усмиренію озлобленныхъ, имѣющихъ средства къ отпору силы силою? Кто можетъ поручиться, что небольшое даже неудоволь-

ствіе не породитъ бунта, который, вспыхнувъ въ одномъ полку быстро распространится въ цѣломъ округѣ поселенія? И можно-ли предвидѣть чѣмъ кончится такое возстаніе многихъ полковъ вмѣстѣ? Эти опасенія подкрѣплены были возстаніемъ начавшимся въ поселеніяхъ: Новгородскомъ гренадерскомъ, Бугскомъ и Чугуевскомъ Уланскомъ. Жестокія мѣры, употребленныя противъ жителей мирныхъ селеній, изъ которыхъ хотѣли сдѣлать военныхъ поселенцевъ, возбудили всеобщее негодованіе. Исполнители Гр. Аракчеевъ и Виттъ сдѣлались предметами всеобщаго омерзенія и имя самаго Императора не осталось безъ нареканія. Трудно было повѣрить, чтобы ему неизвѣстны оставались варварскія дѣйствія этихъ двухъ человѣкъ, и это подавало невыгодное мнѣніе о его сердцѣ и нравѣ. Государь выѣхалъ не прямо въ Москву, но чрезъ Западныя губерніи и Малороссію. Кажется, что цѣль этой поѣздки была приготовить мысли жителей этихъ губерній къ свободѣ крестьянъ. Первое начало положено было уже въ Эстляндіи, за которою должны были слѣдовать Курляндія и Лифляндія. Псковская губернія была присоединена къ генераль-губернаторству Маркиза Паулуччи, и потому полагали, что освобожденіе Русскихъ крестьянъ начнется съ этой губерніи. Въ рѣчи своей къ малороссійскимъ дворянамъ, Государь объявилъ о своемъ намѣреніи, но въ сердцахъ ихъ не нашелъ сочувствія. Сопротивленіе изъявилось въ отвѣтныхъ рѣчахъ губернскаго предводителя Полтавскаго—Ширкова и Черниговскаго. Это кажется поколебало твердость Государя, ибо въ Москвѣ онъ удержался отъ выраженія своей мысли касательно этого предмета. Должно думать, что онъ однакоже желалъ искренно его исполненія; но между тѣмъ, онъ хотѣлъ отъ дворянства единственно повинovenія своей волѣ, а не содѣйствія. Доказательствомъ тому служить слѣдующее: члены общества собрали подписку на освобожденіе крестьянъ.

Изъ числа извѣстныхъ лицъ подписали согласіе свое и обѣщаніе исполнить на правилахъ, какія составлены будутъ: Г.г. Кочубей и Строгоновъ, Князь Меншиковъ, Г. Ил. В. Васильчиковъ. Послѣдній, подписавъ, доложилъ о томъ Государю, который изъявилъ свое неудовольствіе и приказалъ уничтожить подписку. Въ слѣдующемъ обстоятельстве еще болѣе является нежеланіе его, чтобы дворянство содѣйствовало ему. Можетъ-быть онъ не отвергнулъ-бы личнаго содѣйствія по одиночкѣ, но рѣшительно не хотѣлъ, чтобы оно обнаруживалось совокупнымъ дѣйствіемъ. Въ прїѣздѣ въ Вильну, онъ приказалъ тамошнему генералъ-губернатору Римскому-Корсакову приготовить дворянство ввѣренныхъ ему губерній къ принятію Монаршей воли. Корсаковъ нашелъ въ губернскомъ предводителѣ дворянства, графѣ Платерѣ, готоваго сотрудника. На выборахъ 1818 года, графъ Платеръ сообщилъ дворянамъ волю Государя, и подготовленные имъ, они приняли ее съ восторгомъ, ввели, бывшихъ при нихъ лакеевъ и кучеровъ въ залу собранія и съ наполненными бокалами шампанскаго, поздравили ихъ съ будущимъ освобожденіемъ. Корсаковъ былъ тогда въ Москвѣ и Государь узнавъ о происшествіи въ жестокихъ словахъ изъявилъ на него гнѣвъ свой за нескромное дѣйствіе, и за то, что онъ въ такое время оставилъ губернію свою. Это было послѣ сопротивленія оказаннаго Государю въ Малороссіи; тогда же по Москвѣ ходила рукопись Харьковскаго помѣщика Каразина, возстававшего всею силою своего краснорѣчія противъ свободы крестьянъ и сравнивавшего состояніе имѣвшихъ счастье быть подъ его игомъ, съ состояніемъ свободныхъ, у которыхъ небудетъ собственности и которымъ можно сказать: «и та земля, въ которую положить трупъ твой, не твоя!» Въ другой рукописи К. Ник. Гр. Вяземскій, своякъ графа Кочубея и предводитель Калужскаго дворянства, требовалъ

помѣстническихъ собраній. Членъ общества, А. Н. Муравьевъ написалъ возраженіе на обѣ рукописи, и пропустивъ ихъ по древней столицѣ, представилъ списокъ своего сочиненія Государю, чрезъ Кн. П. М. Волконскаго. Его Величество прочтя сказалъ: «дуракъ! не въ свое дѣло вмѣшался».

Такія дѣйствія Государя казались обществу не согласующимся съ тою любовію къ народу, и желаніемъ устроить его благоденствіе, которое оно въ немъ предполагало.

Сомнѣніе, что онъ ищетъ больше своей личной славы, нежели блага подданныхъ уже вкралась въ сердца членовъ общества, сдѣлавшимся имъ прежде извѣстнымъ откровеннымъ разговоромъ на единѣ Государя съ Княземъ Лопухинымъ. Предъ самымъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга, Государь ему объявилъ что онъ непремѣнно желаетъ освободить и освободить крестьянъ отъ зависимости помѣщиковъ, и на представленіе Князя о трудностяхъ исполненія и о сопротивленіи, которое будетъ оказано дворянствомъ сказалъ: «если дворяне будутъ противиться, я уѣду со всей своей фамиліей въ Варшаву и оттуда пришлю указъ». Когда эти слова были переданы нѣкоторымъ членомъ общества, бывшимъ въ Москвѣ, то въ первую минуту мысль о томъ, какимъ ужасамъ безначалія могла подвергнуться Россія отъ такого поступка, такъ сильно поразила одного изъ членовъ общества, что онъ выразилъ готовность, еслибы Государь показалъ себя такимъ врагомъ отечества, принести его въ жертву, не щадя собственной жизни. Эти слова тѣмъ замѣчательны, что они чрезъ восемь лѣтъ послѣ, послужили поводомъ къ приговору въ каторжную работу того, кто ихъ произнесъ и тѣхъ, при комъ они были оказаны. Члены общества огорченные поступкомъ Государя и обманутые въ своихъ надеждахъ не могли, однако же, разстаться съ мыслью, что дѣйствуя соединенными силами,

они много могутъ сдѣлать для пользы своего отечества. Число готовыхъ содѣйствовать ежедневно увеличивалось, оставалось ясно опредѣлить порядокъ дѣйствія и начала, на которыхъ онъ долженъ былъ быть основанъ. Примѣръ Прусскаго Тугендбунда доказывалъ, что усилія людей, имѣющихъ одинаковую цѣль не остаются втунѣ. Духъ кротости, любви къ отечеству и благонамѣренія, которыя одушевляли членовъ, долженъ былъ выразиться во всѣхъ ихъ занятіяхъ; самое неблагонамѣренное розысканіе не должно было найти въ этомъ уставѣ ничего такого, чтобы могло подать поводъ къ обвиненію членовъ въ себѣлюбіи, или въ дѣйствіи опасномъ для спокойствія отечества. Большая часть членовъ общества находилась въ Москвѣ и въ числѣ ихъ почти всѣ основатели. Они избрали четырехъ членовъ, которымъ поручено было составленіе новаго устава. Это были: Н. Н. Муравьевъ, Кн. П. Долгорукій, Никита Муравьевъ, и Кн. Трубецкой. Они исполнили порученіе и новый уставъ былъ вполнѣ одобренъ и принятъ. Общество названо, по предмету своей цѣли Союзомъ Благоденствія, и эпитафья его означалъ твердое намѣреніе членовъ посвятить всю свою жизнь исполненію этой цѣли. Его составляли слова Спасителя: Никто же возложь руку свою на рало, и зря вспять управленъ есть въ Царствіе Божіе». Члены раздѣлялись по предметамъ своихъ занятій или службы. Каждый по своей части обязанъ былъ пріобрѣсть познанія, могущія сдѣлать его полезнѣйшимъ гражданиномъ, и свѣдѣнія, потребныя для дѣйствія общества, которое само оставалось неизмѣнно первоначальному своему назначенію; т. е. къ поддержанію всѣхъ тѣхъ мѣръ правительства, отъ которыхъ возможно ожидать хорошихъ, для благосостоянія Государства послѣдствій; къ осужденію всѣхъ тѣхъ, которыя не соотвѣтствуютъ этой цѣли; преслѣдованіе всѣхъ чиновниковъ, отъ самыхъ выс-

шихъ до самыхъ низшихъ, за злоупотребленія должности и за несправедливости; исправленіе, по силѣ своей и возможности, всѣхъ несправедливостей, оказываемыхъ лицамъ и защита ихъ; разглашеніе благородныхъ и полезныхъ дѣйствій людей должностныхъ и гражданъ; распространеніе убѣжденія въ необходимости освобожденія крестьянъ, приобрѣтеніе и распространеніе политическихъ свѣдѣній по части государственнаго устройства, законодательства, судопроизводства и пр., распространеніе чувства любви къ отечеству и ненависти къ несправедливости и угнетенію. Общее дѣйствіе членовъ согласовалось съ этими правилами, и сверхъ того, каждый изъ нихъ принималъ обязанность освободить своихъ крестьянъ, когда поступятъ къ нему во владѣніе. Дѣйствіе общества обнимало въ своемъ предметѣ всѣ сословія государства и всѣ стороны управленія и потому должно было опредѣлить каждому члену кругъ его дѣйствія,—для сего, члены раздѣлялись на четыре разряда по отраслямъ. Каждая отрасль состояла изъ управъ, которой всѣ члены дѣйствовали по предмету своей отрасли. Управа управлялась предсѣдателемъ, который представлялъ предметы дѣйствія, члены сообщали свѣдѣнія и доносили о своихъ дѣйствіяхъ. Каждый членъ могъ заводить вспомогательную управу. Цѣль вспомогательныхъ управъ была приготовить членовъ для союза. Всѣ управы состояли подъ вѣдѣніемъ Кореннаго Совѣта, который состоялъ изъ двадцати четырехъ членовъ. Въ Коренномъ Совѣтѣ избирались предсѣдатель и блюститель. Послѣдній соединялъ въ себѣ общій надзоръ надъ всѣмъ дѣйствіемъ и не позволялъ ни въ чемъ отступать отъ духа, цѣли и порядка дѣйствія, опредѣленнаго по уставу Союза Благоденствія. Онъ же свѣрялъ всѣ списки устава союза и скрѣплялъ ихъ своею подписью. Ему подвѣдомственны были блюстители управъ, назначаемые въ управы отъ Кореннаго Совѣта, изъ его

членовъ. Вспомогательныя управы не имѣли блюстителей особыхъ, но блюститель той управы, которой членъ завелъ управу, имѣлъ надъ ней надзоръ. Сверхъ наблюденія за дѣйствіемъ каждаго члена и за его поведеніемъ, какъ члена союза, блюститель управы собиралъ свѣдѣнія о лицахъ, которыя предполагались къ принятію въ союзъ. Онъ долженъ былъ стараться познакомиться съ ними лично, чтобы короче ихъ узнать и испытать, и только, по его представленію, могъ быть принятъ новый членъ. Блюститель управы хранилъ списокъ устава, онъ давалъ его прочитывать тому лицу, которое предложено было къ принятію, и бралъ съ него подписку, что онъ не будетъ никому сообщать о прочтенномъ, когда же прочитавшій соглашался вступать въ союзъ, то давалъ другую подписку на вступленіе. Блюстители управъ препровождали всѣ подписки къ блюстителю Кореннаго Совѣта, и должны были часто съ нимъ видѣться для сообщенія ему о всѣхъ дѣйствіяхъ и для совѣщанія.

Члены Союза Благоденствія очень понимали, что дѣйствія ихъ на отечество не могутъ быть полезными, если они не будутъ имѣть вѣрныхъ и подробныхъ свѣдѣній о состояніи его и если не приобрѣтутъ познаній въ наукахъ, имѣющихъ цѣлью усовершенствованіе гражданскаго быта государствъ. И потому приобрѣтеніе этихъ необходимыхъ свѣдѣній и познаній поставлялись въ непремѣнную обязанность всѣмъ членамъ союза. Уже и прежде того нѣкоторые изъ членовъ приговорили профессора для чтенія курса политической экономіи; послѣ нѣсколькихъ уроковъ профессоръ просилъ позволенія одному своему пріятелю быть въ числѣ слушателей. Тѣмъ, къ кому онъ имѣлъ довѣренность признался, что мнимый пріятель присланъ отъ полиціи. Вскорѣ послѣ Государь потребовалъ свѣдѣній отъ полковыхъ командировъ о тѣхъ офицерахъ, которые слушали

курсъ, и по хорошему о нихъ отзывѣ, нашелъ очень страннымъ это необыкновенное явленіе и нѣсколько разъ повторялъ слова: «это странно! Очень странно! Отчего они вздумали учиться!»

Сначала дѣйствія Союза Благоденствія пошли быстро. Управы образовались въ Москвѣ, въ разныхъ губерніяхъ, въ Петербургѣ между военными, гражданскими и неслужащими. Были и вспомогательныя управы. Въ теченіи перваго года, нѣкоторые изъ лицъ Кореннаго Совѣта выбыли изъ столицы, между ними и блюститель его Трубецкой, на мѣсто его былъ избранъ Долгорукій. Вскорѣ послѣ пріѣхалъ въ Петербургъ Пестель, который все былъ при графѣ Витгенштейнѣ, тогда уже главнокомандующемъ 2-й арміи. Онъ находилъ, что дѣйствіе Союза Благоденствія медленно, и вообще не въ томъ духѣ, въ которомъ, по его мнѣнію, должно дѣйствовать. Сообщивъ, что не принялъ устава, продолжалъ свое дѣйствіе согласно первому уставу. Многіе члены возмущены были его разсужденіями и общее дѣйствіе охладѣло и лишилось единства. Положенъ былъ общій съѣздъ въ Москвѣ; и тамъ согласиться не могли. Между тѣмъ происшествія, случившіяся въ Лейбъ-Гвардіи Семеновскомъ полку и распредѣленіе всѣхъ членовъ въ разные полки, довершили разстройство союза. Члены боялись собираться, что-бы не навести подозрѣнія, многіе испугались до того, что прекратили всякую связь съ другими членами. Мало осталось вѣрныхъ сдѣланному обѣщанію при учрежденіи общества. Въ такомъ состояніи нашелъ Трубецкой общество по двухлѣтнемъ отсутствіи изъ отечества. Первымъ дѣломъ его было соединиться съ тѣми, которые оставались вѣрными Союзу. Ихъ было въ столицѣ только нѣсколько человѣкъ. Въ непродолжительномъ однако-же времени число ихъ увеличилось. Пестель опять пріѣхалъ, упрекалъ въ бездѣйствіи, представлялъ

дѣятельность членовъ на Югѣ, предлагалъ соединеніе управленія подъ руководствомъ трехъ директоровъ, изъ которыхъ два на Югѣ и одинъ въ Петербургѣ, представлялъ необходимость измѣненіе образа дѣйствія, какъ весьма медленнаго и отдаляющаго цѣль неопредѣленно. По его мнѣнію цѣль должна быть насильственное измѣненіе образа Правленія, какъ скоро общество соединить довольно членовъ, чтобы быть въ силѣ это исполнить; правленіе должно перейти въ руки общества до тѣхъ поръ, пока всѣ начала новаго образа Правленія будутъ введены. Проектъ предполагаемыхъ имъ постановленій написанъ имъ былъ подъ названіемъ Русской Правды. Открыто было общество между поляками, съ которыми вступили въ сношеніе, оно требовало отдѣленія Польши, на которое давалось предварительно согласіе, хотя и не въ томъ размѣрѣ, въ которомъ требовали Поляки. Въ частныхъ свиданіяхъ Пестель убѣдилъ нѣкоторыхъ членовъ въ справедливости нѣкоторыхъ изъ своихъ разсужденій. Эти члены поддерживали его и въ общихъ собраніяхъ; но Никита Муравьевъ и Трубецкой возставали противъ всѣхъ предположеній Пестеля и поддержанные большею частью членовъ обратили опять на свою сторону тѣхъ, которые пристали было къ Пестелю. Пестель уѣхалъ недовольный, однакоже обѣщалъ сообщить Трубецкому о своихъ дѣйствіяхъ и не предпринимать ничего рѣшительнаго безъ согласія Сѣвернаго Общества. Довѣренность къ Пестелю была сильно поколеблена и Петербургскіе члены видѣли необходимость бдительнымъ окомъ слѣдить за дѣйствіями его и Южнаго Общества, котораго члены были въ современномъ у него повиновеніи. О бывшихъ преніяхъ и несогласіи Петербургскаго Общества съ Южнымъ было сообщено Сергѣемъ Муравьевымъ на Югѣ, и ему поручено наблюденіе и противудѣйствіе. Вскорѣ открылась возможность усилить это наблюденіе и подкрѣ-

пить противудѣйствіе распространеніемъ основныхъ правилъ Союза Благоденствія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проповѣдовались другія.

Князь Щербатовъ, назначенный командиромъ 4-го корпуса, предложилъ Трубецкому мѣсто дежурнаго штабъ-офицера. Пріѣхавъ въ Кіевъ ¹⁾, Трубецкой нашель, что Южное Общество во всемъ отклонилось отъ правилъ союза. Нѣкоторые только старые члены оставались ему вѣрными, но лишены были способа дѣйствовать. Вниманіе Трубецкого обращено было на то, чтобы воспрепятствовать распространенію правилъ Южнаго Общества въ полкахъ 4-го корпуса, соединить старыхъ членовъ и дать имъ средства къ дѣйствию по прежде принятымъ началамъ и отвратить членовъ Южнаго Общества отъ мнѣній Пестеля. Однимъ изъ первыхъ предметовъ было также войти въ сношеніе съ польскимъ обществомъ и убѣдить его ясными доказательствами, что Польша существовать не можетъ отдѣльно отъ Россіи, и что не отдѣленія должны они искать, но напротивъ присоединенія къ Россіи и тѣхъ частей Польши, которыя составляютъ владѣнія Австріи и Пруссіи. Время не дозволило привести въ исполненіе этой послѣдней статьи, но всѣ прочія обѣщали увѣнчаться успѣхомъ.

Между тѣмъ Южное Общество въ нѣдрахъ своихъ скрывало измѣнниковъ. Образъ дѣйствія Пестеля возбуждалъ не любовь къ отечеству, но страсти съ нею несомѣстимыя.

¹⁾ Можетъ быть, удалившись изъ столицы, Трубецкой сдѣлалъ ошибку. Онъ оставилъ управленіе общества членамъ, которые имѣли менѣе опытности, и, будучи моложе, увлекались иногда своею горячностью, и дѣйствіе которыхъ не могло производиться въ томъ кругу, въ которомъ могъ дѣйствовать Трубецкой. Сверхъ того, тѣсная связь съ нѣкоторыми изъ членовъ, отсутствіемъ его прервалась. Но опасенія, которыя поселялъ Югъ были такого рода, что признавалось необходимымъ отдѣлить туда такого члена, который, имѣя достаточный вѣсъ въ обществѣ, имѣлъ и силу привести Южное отдѣленіе къ тѣмъ благодѣтельнымъ началамъ, на которыхъ основанъ былъ Союзъ и по которымъ продолжалъ дѣйствовать на Сѣверѣ.

Квартирмейстеръ его полка Майборода, принятый имъ въ члены, промотавъ въ Москвѣ часть полковыхъ денегъ и боясь отвѣтственности, написалъ доносъ о существованіи и намѣреніи Южнаго Общества, и успѣлъ препроводить его въ Таганрогъ къ Государю. Шервудъ, вольноопредѣляющійся унтеръ-офицеръ Нѣжинскаго конно-егерскаго полка, принятый Вадковскимъ, былъ имъ посланъ съ разными бумагами къ Пестелю, но посредствомъ графа Витта, нашелъ путь къ Государю, которому и передалъ бумаги въ Таганрогѣ. Какія мѣры принялъ Государь, или хотѣлъ принять, остались Обществу не извѣстными. Петербургское Общество оставалось подъ управленіемъ Никиты Муравьева, Рылѣева, князя Оболенскаго и Пуцина. Послѣдній оставилъ артиллерію и опредѣленъ судьей Надворнаго Суда въ Москвѣ. Онъ находилъ, что въ этомъ званіи онъ болѣе принесетъ пользы отечеству, нежели въ званіи артиллерійскаго офицера. Въ столицу пріѣхалъ изъ Грузіи Якубовичъ; онъ былъ не разъ оскорбленъ по службѣ; отличная репутація его въ Кавказскомъ корпусѣ не привлекла на него вниманія Государя. Якубовичъ, если не въ сердцѣ, то на словахъ питалъ къ нему сильную ненависть, и часто, въ сообществѣ съ военными, говорилъ о непремѣнномъ намѣреніи отомстить за претерпенныя оскорбленія. Были члены, которые изъявили мысль, что если Якубовичъ исполнитъ свое намѣреніе, то общество должно послѣдствіями воспользоваться. Другіе, также принявъ слова Якубовича за истину, говорили, что надобно воспрепятствовать ему въ исполненіи. Никита Муравьевъ, который долженъ былъ отлучиться изъ Петербурга, извѣстилъ письмомъ объ этихъ обстоятельствахъ Трубецкаго и просилъ его содѣйствія на обузданіе Якубовича. Другіе члены уведомили также обо всемъ Трубецкаго, который поспѣшилъ въ столицу, увидѣлъ Якубовича, убѣдился изъ словъ его,

что выраженіе ненависти его преувеличено и что онъ не способенъ ни на какое злодѣяніе.

Въ это время неожиданное извѣстіе поразило столицу: Государь былъ при смерти, черезъ два дня пришло извѣстіе о его кончинѣ. За однимъ событіемъ такой важности должно было послѣдовать другое не менѣе важное. Къ владычеству Александра привыкли; мысль о наслѣдникѣ пугала всѣхъ, тѣмъ болѣе, что покрыто было неизвѣстностью кто будетъ этимъ наслѣдникомъ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, Александръ почитался лучше своихъ братьевъ. Его озарялъ блескъ славы, пріобрѣтенной борьбою съ Наполеономъ, величайшимъ геніемъ своего времени. Великодушіе его въ побѣдѣ, кротость къ побѣжденнымъ, отсутствіе тщеславія не изгладились изъ памяти людей, хотя довѣренность къ нему народовъ и была поколеблена. Хотя въ Европѣ и укоряли его въ неисполненіи тѣхъ обѣщаній, которыя даны были народамъ въ 1812 году и потомъ повторены торжественно на Вѣнскомъ конгрессѣ; хотя онъ и въ собственномъ отечествѣ своемъ, не оправдалъ тѣхъ ожиданій и надеждъ, которыя породили слова его; хотя онъ былъ привязанъ крѣпко къ мысли о своемъ самодержавіи и, довольный пріобрѣтенною славою, не радѣлъ о благоденствіи своихъ подданныхъ, словомъ сказать облѣнился; хотя ко всему этому должно прибавить черты деспотизма противъ многихъ лицъ и гоненіе на тѣ идеи, совершенствованія, которыя, самъ прежде старался распространять, и хотя даже онъ подвергся обвиненію въ чувствѣ презрѣнія къ народу, но, при всемъ томъ, смерть его почиталась истиннымъ несчастіемъ. Можетъ быть всякая перемѣна владѣтельнаго лица въ деспотическомъ правленіи наводитъ страхъ. Къ недостаткамъ деспота, когда они не великіе пороки, привыкнутьъ, а перемѣна самовластительнаго правителя наводитъ невольную боязнь. Какъ бы то ни было,

но страхъ господствовалъ въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, кто не былъ приближенъ къ тому или другому изъ двухъ лицъ, которые могли наслѣдовать престолъ. Константинъ не оставилъ по себѣ хорошей памяти въ столицѣ. Надѣялись однако же, что лѣта измѣнили его, и эта надежда подкрѣплялась вѣстями изъ царства Польскаго. Николай извѣстенъ былъ только грубымъ обхожденіемъ съ офицерами и жестокостью съ солдатами ввѣренной ему гвардейской дивизіи. Дворъ хотѣлъ Николая, и придворные говорили, что съ нимъ ничто не перемѣнится, все останется какъ было, а Константину потому уже неприлично быть Императоромъ Русскимъ, что онъ женатъ на полькѣ; какъ допустить, чтобы простая польская дворянка поставлена выше княгини изъ домовъ королевскихъ?

Великій князь Николай Павловичъ въ тотъ день, какъ узналъ объ опасной болѣзни Государя, собралъ къ себѣ вечеромъ князей Лопухина и Куракина и графа Милорадовича; представилъ имъ возможность упраздненія престола и свои на оной права. Графъ Милорадовичъ рѣшительно отказалъ ему въ содѣйствіи, опираясь на невозможность заставить присягнуть войско и народъ иначе какъ законному наслѣднику. Хотя нѣкоторымъ лицамъ и извѣстно обѣщаніе Константина, при его женитбѣ, отказаться отъ наслѣдія престола, но это обѣщаніе сдѣлано частно и Императоръ Александръ не объявлялъ послѣ себя никого наслѣдникомъ. Воля же его изъявленная въ запечатанной бумагѣ не можетъ служить закономъ, потому что Русскій Государь не можетъ располагать наслѣдствомъ престола по духовной. Если Константинъ не захочетъ принять престола, то онъ долженъ сдѣлать это манифестомъ отъ своего лица и тогда, Николай будетъ законнымъ наслѣдникомъ. Но должно начать тѣмъ, чтобы тотъ часъ по смерти Государя присягнуть Константину. Совѣщаніе продолжалось

до двухъ часовъ ночи. Великій князь доказывалъ свои права, но графъ Милорадовичъ признать ихъ не хотѣлъ и отказалъ въ своемъ содѣйствіи. На томъ и разошлись.

Я пріѣхалъ во дворець, когда уже заздравный молебенъ былъ внезапно прекращенъ по случаю пріѣзда курьера съ извѣстіемъ о смерти Государя. Я вошелъ обыкновеннымъ малымъ входомъ извѣстнымъ подъ именемъ комендантской лѣстницы, и былъ крайне удивленъ, войдя въ первую комнату, которая отдѣляетъ церковь отъ внутренняго караула, найти въ ней графа Милорадовича, отдающаго приказанія коменданту Башуцкому, разослать въ тотъ же часъ плацъ-адъютантовъ по всѣмъ карауламъ, съ приказаніемъ привести немедленно караулы къ присягѣ. Это распоряженіе было сдѣлано графомъ до совѣщанія Государственнаго Совѣта. Я пошелъ въ залу собранія Совѣта и здѣсь съ нѣкоторыми другими лицами, адъютантами обоихъ великихъ князей—Николая и Михаила, Годейномъ и Кавелинымъ, ожидалъ какое постановленіе сдѣлано будетъ Совѣтомъ. Приносятъ бархатную подушку, на которой стоитъ маленькій ковчежекъ золотой, или позолоченный; узнаемъ, что несутъ духовное завѣщаніе покойнаго Императора. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, при открытіи засѣданія, сказалъ, что покойный Государь Императоръ оставилъ завѣщаніе съ тѣмъ, чтобы оно было прочтено тотчасъ послѣ его смерти, прежде приступленія къ новой присягѣ, или къ какому либо дѣйствию. Графъ Милорадовичъ сейчасъ отвѣчалъ на эту рѣчь, сказавъ, что въ отношеніи престолонаслѣдія, Государь, по существующимъ въ Россіи законамъ, не можетъ располагать ею по духовному завѣщанію, что изъ уваженія къ лицу покойнаго, можно прочесть духовное завѣщаніе его, но исполненія по оному не можетъ быть. Затѣмъ приказано было прочесть завѣщаніе, и когда оно было прочтено, то Адмиралъ Ни-

колай Семеновичъ Мордвиновъ, всталъ и сказалъ: «теперь пойдѣмте присягать Императору Константину Павловичу». Всѣ встали и пошли сначала въ покои великаго князя Николая, для объявленія ему рѣшенія, принятаго Совѣтомъ. Мы поспѣшили въ комнаты, черезъ которыя должно было проходить великому князю и я видѣлъ его, какъ онъ блѣдный, шатающійся на ногахъ проходилъ въ покои матери своей Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Оттуда уже прошли прямо въ большую церковь, мы, въ свою очередь отправились туда же. Въ комнатѣ, гдѣ стоитъ обыкновенно внутренній караулъ, бывшій въ тотъ день 1-го взвода роты Его Величества Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, стоялъ аналой съ крестомъ и евангеліемъ. Солдаты спросили, что это значитъ? „Присяга“, отвѣчали имъ; они всѣ въ одинъ голосъ: „какая присяга?“ „Новому Государю“. „У насъ есть Государь“. „Скончался“. «Мы не слыхали, что онъ и боленъ былъ». Пришелъ комендантъ Башуцкій и сталъ имъ рассказывать, что извѣстно было о болѣзни и смерти Государя. Тогда головной человекъ вышелъ впередъ и началъ тѣ же возраженія, прибавивъ, что они не могутъ присягать новому Государю, когда есть у нихъ давно царствующій, и вѣрить о смерти его не могутъ, не слыхавъ даже о болѣзни. Дежурный генералъ штаба Его Величества Поталовъ пришелъ на помощь коменданту, подтвердилъ его слова и началъ уговаривать людей принять требуемую присягу. Солдаты настаивали упорно въ своемъ отказѣ. Между тѣмъ великій князь Николай Павловичъ и члены Государственнаго Совѣта успѣли уже присягнуть въ церкви и Николай вышелъ къ упорствующему караулу и подтвердилъ слова генераловъ и объявилъ, что онъ самъ уже только что присягнулъ новому Государю Константину Павловичу. Волненіе утихло и солдаты присягнули.

Просмотрѣвъ всѣ эти происшествія въ Зимнемъ Дворцѣ,

я поѣхалъ въ Сенатъ, чтобы узнать, что тамъ дѣлается. Сенаторы уже разѣхались я нашелъ только двухъ оберъ-прокуроровъ Александра Васильевича Кочубея и Семена Григорьевича Краснокутскаго. Они съ негодованіемъ рассказывали мнѣ, что Сенаторы присягнули по одному словесному приказанію, переданному отъ министра юстиціи. А на вопросъ мой о конвертѣ съ духовнымъ завѣщаніемъ Александра, отвѣчали, что министръ велѣлъ прислать его къ себѣ. Изъ этого рассказа ясно оказывается, что судьями отечества располагалъ одинъ графъ Милорадовичъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, когда стало извѣстно, что Константинъ не принимаетъ данной ему присяги, и между тѣмъ отказывается и ѣхать самъ въ Петербургъ и издать отъ себя манифестъ о своемъ отреченіи, графъ, проходя въ своихъ комнатахъ, остановился предъ портретомъ Константина, и обратившись къ сопровождавшему его полковнику Ѳедору Николаевичу Глинкѣ, сказалъ: «я надѣялся на него, а онъ губить Россію». Изъ этого обстоятельства должно еще заключить, что графу неизвѣстнымъ осталось торжественное объявленіе Константина Павловича, напечатанное въ книгѣ о восшествіи на престоль, въ приложеніяхъ подъ № 3-мъ. Если-бъ это объявленіе не было скрыто, а было объявлено всенародно, то не было бы никакого повода къ сопротивленію въ принятіи присяги Николаю, и не было бы возмущенія въ столицѣ.

Въ этотъ самый день, когда была принесена присяга новому Императору Константину Павловичу, т. е. 27 ноября, Великій князь Николай Павловичъ, просилъ къ себѣ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Ѳедора Петровича Опочинина. Этотъ человѣкъ былъ нѣкогда адъютантомъ Константина Павловича, потомъ перешелъ въ гражданскую службу, которую по непріятностямъ оставилъ, и прожи-

валъ въ Петербургѣ довольно уединенно въ кругу небольшого числа своихъ хорошихъ знакомыхъ. Онъ постоянно сохранилъ благосклонное къ себѣ расположеніе Константина Павловича и даже дружбу его; жилъ въ городѣ, въ Мраморномъ дворцѣ, принадлежавшемъ Цесаревичу, а лѣтомъ въ его же Стрѣлинскомъ дворцѣ. Не было въ Петербургѣ человѣка, который былъ бы ближе его къ Константину Павловичу. Его и избралъ Великій князь Николай посредникомъ между собою и братомъ, и ему поручилъ ходатайство объ уступкѣ ему престола, напомнивъ Его Высочеству, что онъ самъ добровольно, безъ всякаго принужденія отрекся отъ наслѣдства. Въ ночь на 30-е, Опочининъ уѣхалъ, но встрѣтилъ дорогою ѣхавшаго изъ Варшавы Великаго Князя Михаила Павловича, возвратился съ нимъ обратно въ столицу. Опочининъ рассказывалъ мнѣ, что Константинъ, получивъ извѣстіе изъ Таганрога о смерти Александра, заперся на цѣлый день въ комнатѣ, никого не принималъ, никакого приказанія не отдавалъ и ничего о кончинѣ Государя не было объявлено въ Варшавѣ. Опочининъ былъ снова отправленъ съ прибавленіемъ просьбы, чтобы Константинъ прислалъ формальное и торжественное отреченіе, по которому Николай могъ бы безпрепятственно вступить на престолъ. Графъ Милорадовичъ постоянно настаивалъ на томъ, чтобы это было исполнено, еслибъ Константинъ самъ не захотѣлъ пріѣхать въ Петербургъ и лично передать престолъ брату. Опочининъ поѣхалъ съ намѣреніемъ употребить всѣ средства, чтобъ уговорить Константина пріѣхать въ столицу Имперіи и, даже имѣлъ надежду, что слова его подѣйствуютъ достаточно, чтобъ заставить Константина принять царство. Онъ вспомнилъ, что когда Константинъ писалъ письмо къ Александру, по настоянію Его Величества въ 1817 году, то онъ сказалъ Оедору Петровичу, что имѣеть увѣрен-

ность, что не переживетъ своего брата. Жена Опочинина Дарья Михайловна, дочь фельдмаршала князя М. И. Смоленскаго-Кутузова, не раздѣляла надеждъ своего мужа и говорила мнѣ, что она увѣрена, что Константинъ не приметъ престола, что онъ всегда говорилъ: «меня задушатъ, какъ задушили отца». Опочининъ, уѣзжая, зналъ непріязненное расположеніе войска и народа къ великимъ князьямъ и, какъ охотно, всѣ присягнули Константину, говоря, что ему служить можно, а братьямъ его нельзя; и потому понималъ необходимость торжественнаго отреченія Константина и считалъ надежнѣйшимъ, чтобъ онъ сдѣлалъ это не однимъ печатнымъ манифестомъ, но личнымъ своимъ отреченіемъ предъ войскомъ Лейбъ-Гвардіи и народомъ въ столицѣ.

Здѣсь оканчиваются мои свѣдѣнія о теченіи переговоровъ Николая съ Константиномъ, исключая того, что въ отвѣтъ на всѣ свои домогательства, Николай получилъ отъ Константина собственноручную записку, въ которой онъ, въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ, и даже не благопристойныхъ, писалъ, что онъ знать ничего не хочетъ, что дѣлается въ Петербургѣ и чтобъ дѣлали, что хотятъ и какъ хотятъ. Такъ мнѣ было рассказано, и это подтверждается рассказомъ барона Корфа, когда онъ говоритъ, что послѣднее письмо Константина было написано въ такихъ выраженіяхъ, что нельзя было его обнародовать, хотя послѣ и прилагаетъ въ прибавленіяхъ какое-то письмо, въ которомъ ничего подобнаго не заключается. Вслѣдствіи этого публика справедливо обвиняла Константина въ неуваженіи ни къ себѣ, ни къ народу и въ отсутствіи малѣйшаго чувства любви къ отечеству; а публика была обманута сокрытіемъ воззванія, въ которомъ онъ объясняетъ причины побуждающія его не принимать присяги и приглашаетъ народъ присягнуть Николаю. Это воззва-

ніе осталось бы неизвѣстнымъ, еслибъ не было припечатано въ приложеніяхъ къ книгѣ, изданной барономъ Корфомъ.

Время междуцарствія продолжалось ровно двѣ недѣли. Никакой другой случай не могъ быть благопріятнѣе для приведенія въ исполненіе намѣренія Тайнаго Общества, еслибъ оно было довольно сильно; но члены его были разсѣяны по большому пространству Россійской Имперіи. Столица, гдѣ должно было происходить главное дѣйствіе, заключала небольшое число членовъ. Не смотря на то, бывшіе въ ней члены, положили воспользоваться предстоящимъ случаемъ, особенно когда въ мыслящей публикѣ, поселилось ожиданіе, что Константинъ Павловичъ не приметъ слѣдующаго ему наслѣдія престола. Причины, побудившія ихъ воспользоваться предстоящимъ случаемъ, были слѣдующія: 1) въ Россіи никогда не бывало, чтобы законный наслѣдникъ престола добровольно отъ него отказывался и, должно было предполагать, что съ трудомъ повѣрятъ такому отказу; 2) молодыхъ великихъ князей не любили, особенно военные. Только нѣкоторая часть двора предпочитала имѣть Императоромъ Николая. Придворныя дамы находили, что для нихъ низко будетъ имѣть незначительнаго рода польку Императрицей; 3) во всѣхъ домахъ, принадлежащихъ къ знатнѣйшему обществу столицы, изъявлялось негодованіе на странное положеніе, въ которомъ находилось государство. Это негодованіе не смѣло выразиться рѣчами дерзкими, или рѣшительными, но выражалось насмѣшками. Были заклады кому достанется престоль. Спрашивали, продадутся или нѣтъ бараны? Смѣялись надъ тѣмъ, что отъ Сената, посланъ былъ къ Императору Константину съ объявленіемъ о принесенной ему присягѣ, чиновникъ, бывший за оберъ-прокурорскимъ столомъ, извѣстный какъ картежный игрокъ, хорошо предугадавшій карты и, это обстоятельство примѣняли съ на-

смѣшками къ тогдашнему случаю; 4) наконецъ, члены Тайнаго Общества увѣрены были въ содѣйствіи нѣкоторыхъ изъ высшихъ сановниковъ государства, которые опасаясь дѣйствовать явно, когда, еще Общество не оказало своей силы, являли себя готовыми пристать, какъ скоро увидѣли бы, что достаточная военная сила можетъ поддержать ихъ.

Первое дѣйствіе Тайнаго Общества было увѣриться, что всѣ его члены будутъ равно усердно содѣйствовать общей его цѣли. Но здѣсь оказалось тоже, что обыкновенно оказывается во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ. Многие члены вступили въ Общество, когда еще конечное его дѣйствіе представлялось въ неизвѣстной дали. Будучи его членами, они знали, что будутъ всегда поддержаны имъ и что это могло способствовать ихъ возвышенію. Теперь, когда они уже достигли извѣстной степени и когда открывались новыя обстоятельства, они не видѣли пользы для себя дѣйствовать сообразно видамъ Тайнаго Общества, гдѣ члены не имѣли никакой личной цѣли, жертвовали собою, единственно для блага своего отечества, и не представляющаго никакихъ личныхъ выгодъ ни къ которому изъ своихъ членовъ. Многие ¹⁾, бывшіе ревностными чле-

¹⁾ Многие изъ оставшихся въ Россіи членовъ Общества занимали послѣ и нынѣ еще занимаютъ важныя должности въ Государствѣ: Граббе Г. А. командовалъ на кавказской линіи дивизіей, Гурко замѣнилъ его и послѣ былъ начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса, нынѣ тожъ запасныхъ войскъ; князь Михаилъ Горчаковъ начальникомъ штабовъ дѣйствующей арміи; Николай Николаевичъ Муравьевъ командовалъ корпусомъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, сенаторъ; Петръ Колошинъ, начальникъ департамента; Илья Бибиковъ, при Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ; Кавелинъ, военный генералъ-губернаторъ въ Петербургѣ; Л. В. Перовскій, министръ внутреннихъ дѣлъ; князь Меншиковъ, членъ общества русскихъ рыцарей, начальникъ штаба морского; Вальховскій начальникъ штаба въ Грузіи; Литке наставникъ Великаго Князя Константина Николаевича. Не помню другихъ, менѣе значительныя должности занимавшихъ: также не считаемъ Шипова, Ростовцева, Моллера, измѣнившихъ Обществу и князя Долгорукова, отступившаго изъ страха.

нами въ молодости, охладѣли съ лѣтами. Теперь предстояло дѣйствіе рѣшительное, которое, съ одной стороны, въ случаѣ успѣха, не представляло личныхъ выгодъ, съ другой стороны, въ случаѣ неуспѣха, грозило гибелью. Выгоднѣе было поддержать имѣющаго надежду получить престолъ и повергнуть себя и всѣ свои способности и средства, предъ стопами того, отъ кого можно было надѣяться награды и которому всѣ предположенія обѣщали успѣхъ.

Общество видѣло себя ослабленнымъ чрезъ отступленіе такихъ членовъ, которые непремѣнно сдѣлали бы значительный перевѣсъ по власти, которую чины, занимаемые ими въ рядахъ гвардіи, предоставили въ ихъ руки. Но въ тоже время, оно видѣло, что большая часть офицеровъ гвардіи, не вѣрила возможности отреченія Константина. Нелюбовь ихъ къ молодымъ великимъ князьямъ явно оказывалась въ ихъ разговорахъ и тѣ, которымъ общество открыло свои намѣренія, съ восторгомъ оказали готовность дѣйствовать подъ его руководствомъ. Всѣ эти офицеры были люди молодые, никто изъ нихъ не былъ чиномъ выше ротнаго командира. Надобно было найти извѣстнаго гвардейскимъ солдатамъ штабъ-офицера для замѣщенія передававшихся на сторону власти баталіонныхъ и полковыхъ командировъ. Этотъ начальникъ нуженъ былъ только для самаго перваго начала. Былъ въ столицѣ полковникъ Булатовъ, который недавно перешелъ изъ Лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка въ армію. Его помнили и любили гренадеры и этотъ былъ одинъ изъ полковъ, на который болѣе надѣялись. Булатовъ согласился принять начальство надъ войсками, которые соберутся на сборномъ мѣстѣ. Между тѣмъ стало извѣстнымъ, что Императоръ Константинъ самъ не ѣдетъ и не хочетъ дать отъ себя манифеста о своемъ отреченіи и передачѣ престола Николаю Павловичу. Обстоятельство очень затруднительное для по-

слѣдняго. Надобно было издать манифестъ отъ собственнаго лица, но какимъ образомъ убѣдить въ истинѣ отреченія и на какомъ правѣ основать свое вступленіе. Издать манифестъ именемъ Сената было бы дѣйствиѣ самое законное и самое народное, потому что народъ привыкъ получать всѣ указы изъ Сената; Находили однако, что это было бы предоставить Сенату такую власть, которая принадлежитъ только Императору, и такой примѣръ могъ бы служить на будущее время поводомъ Сенату распоряжаться и самою верховной властью по своему усмотрѣнію.

Въ такихъ обстоятельствахъ рѣшились издать манифестъ отъ лица Императора, принимающаго престолъ, и обнародовать письмо Константина Павловича къ покойному Императору; начать присягу съ военной силы и обязать гвардейскихъ полковыхъ командировъ лично отвѣтственностію, если они не сумѣютъ преодолѣть ожидаемаго упорства подчиненныхъ имъ полковъ. Графъ Милорадовичъ, убѣдившій Николая въ необходимости предоставить престолъ законному наслѣднику, видя странное дѣйствиѣ Константина, рѣшился теперь содѣйствовать къ преодолѣнію препятствій о провозглашеніи Николая Императоромъ.

Тайное Общество, хорошо извѣщенное о всѣхъ дѣйствіяхъ великаго князя и всего военнаго начальства, а также о мысляхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, проявлявшихся изъ разговоровъ, распорядило дѣйствія свои сообразно этимъ свѣдѣніямъ. Оно знало, что трудно будетъ, или даже совсѣмъ невозможно, увѣрить всѣхъ нижнихъ чиновъ и даже многихъ офицеровъ, чтобы Константинъ Павловичъ произвольно отказался отъ престола; даже въ народѣ признавали законнымъ наслѣдникомъ не Николая, а Михаила, какъ родившагося въ то время, какъ отецъ ихъ былъ Императоромъ. Одна привычка къ безусловному повиновенію и насильство могло заставить солдатъ присягнуть по требованію ихъ началь-

никовъ, и такъ какъ начальники полковъ большею частію были нелюбимы подчиненными и не имѣли ихъ довѣренности, то легко было поколебать ихъ повиновеніе. Дѣйствительно, когда по утру, 14 декабря выведены были въ полкахъ люди для присяги, то вообще они оказали недоумѣніе и нерѣшительность, которая при первыхъ словахъ офицеровъ, изъявившихъ сомнѣніе касательно законности требуемой присяги, обратилось въ явное упорство.

Русскій солдатъ такъ однако-же привыкъ къ слѣпому повиновенію, что большая часть начальниковъ успѣла удержать своихъ подчиненныхъ. Но Стюрлеръ, бывшій болѣе прочихъ нелюбимъ, и Карцевъ, не имѣвшій никакого уваженія подчиненныхъ, не могли удержать вѣранныхъ ихъ начальству. Извѣстно, что высшее начальство военное привыкло почитать русскаго солдата болваномъ, который поворачивается и идетъ туда, куда его направитъ начальникъ. Однакоже графъ Милорадовичъ, собиравшій въ продолженіи всего времени междуцарствія свѣдѣнія о духѣ и расположеніи солдатъ и офицеровъ, убѣдился что не легко будетъ заставить присягнуть посредствомъ манифеста, изданнаго отъ того лица, которое желаетъ возсѣсть на престолъ. Графъ тщетно добивался, чтобы этотъ манифестъ былъ изданъ тѣмъ Императоромъ, которому присягнули они, только въ такомъ случаѣ обѣщалъ, что порядокъ въ столицѣ не будетъ нарушенъ. Сомнѣнія графа поколебали увѣренность Николая, тѣмъ болѣе, что онъ, съ своей стороны отъ приверженцевъ своихъ былъ предваренъ о расположеніи гвардіи и о существованіи Тайнаго Общества, намѣревавшася воспользоваться этимъ расположеніемъ.

Въ ночь съ 13 на 14 число, полковой командиръ Преображенскаго полка старался привлечь свой полкъ на сторону Николая Павловича. Это казалось тѣмъ болѣе

необходимо, что Гренадерскій взводъ роты Его Величества изъяслялъ уже наклонность къ сомнѣнію въ бытность свою во внутреннемъ караулѣ въ день присяги. Кромѣ обѣщаній, роздана была большая сумма денегъ изъ артельныхъ и, по утру, когда выведенъ былъ 1-й батальонъ и Николай Павловичъ, подѣхавъ, спросилъ рядовыхъ, хотятъ ли они его своимъ Государемъ, они отвѣчали утвердительно. Тогда онъ приказалъ зарядить ружья и идти за нимъ. Происшествія 14-го числа и послѣдующихъ дней извѣстны ¹⁾. Казематовъ Петропавловской крѣпости не достало для помѣщенія всѣхъ арестованныхъ, взятыхъ

¹⁾ Пока все это происходило въ столицѣ, на всемъ пространствѣ Россіи присягали въ вѣрности новому Государю, одному вслѣдъ за другимъ, такъ что во многихъ мѣстахъ были споры за церкви. Военные, получившіе прежде приказы о присягѣ Николаю, оспаривали храмы у гражданскихъ, которые, въ то же время присягали Константину. Но привычка къ безусловному повиновенію властямъ, какія-бы они ни были, не допускала до дальнѣйшихъ беспорядковъ. Въ 3-мъ только корпусѣ произошло возмущеніе, которое должно было потушить оружіемъ. Оно произошло слѣдующимъ образомъ: въ составѣ этого корпуса независимо отъ Тайнаго Общества, извѣстнаго въ отчетѣ слѣдственнаго комитета подъ именемъ Южнаго, существовало другое, подъ именемъ Славянскаго. Оно имѣло особое образованіе, особый образъ дѣйствій особую цѣль; большею частью было составлено изъ оберъ-офицеровъ. На маневрахъ корпуса, бывшихъ осенью 1825 года, оно было открыто Бестужевымъ-Рюминымъ и вошло съ нимъ въ нѣкоторыя сношенія, но осталось неизвѣстнымъ Тайному Обществу. Когда получено было приказаніе объ арестованіи членовъ Тайнаго Общества на Югѣ, въ арміи находившихся, то между прочими приказано было арестовать Черниговскаго пѣхотнаго полка, подполковника Сергѣя Муравьева-Апостола. Онъ въ этотъ день былъ въ корпусной квартирѣ и уѣхалъ оттуда въ полкъ, въ городъ Васильковъ. Полковой командиръ Гербель былъ также въ корпусной квартирѣ, и получивъ приказаніе арестовать Муравьева-Апостола, поѣхалъ въ Васильковъ для исполненія порученія. Въ полку это уже извѣстно было; въ немъ нѣкоторые офицеры принадлежали къ Славянскому Обществу. Роты собрались для присяги. Командовавшій одною, поручикъ Сухановъ остановился на дорогѣ, гдѣ должны были проѣзжать Муравьевъ и Гербель и остановивъ обоихъ, не дозволилъ послѣднему привести въ исполненіе даннаго приказанія. Между тѣмъ, извѣщенные ротные командиры привели близъ стоявшія роты, и когда полковникъ Гербель хотѣлъ вновь приступить къ исполненію своего порученія, нанесли ему шпагами многія раны, а Муравьева принудили принять команду надъ полкомъ, который весь скоро собрался.

въ столицѣ и привезенныхъ со всѣхъ сторонъ обширной Россійской Имперіи. Военное сопротивленіе преодолено и вся знать, всѣ государственные чины и верховныя правительственныя мѣста безусловно признали возсѣвшаго на Россійскій престоль. Никто не осмѣлился изъявить мнѣнія, что неправильность принятія въ новые руки скипетра могло быть причиною бывшаго сопротивленія. Все приписано было злонамѣренію Тайнаго Общества и члены его, а также и прочія лица, участвовавшія въ происшествіяхъ сихъ дней, преданы были суду, какъ злоумышленники и ослушники законной власти.

Всѣ нижніе чины, схваченные на мѣстѣ битвы, были заключены въ Петропавловской крѣпости. Всѣ прочія лица приводились во дворецъ и новый Императоръ самъ всѣхъ допрашивалъ. На многихъ гнѣвъ его выражался ругательствомъ. Князь Оболенскій былъ приведенъ съ связанными руками, Императоръ обругалъ его, и обратившись къ стоящимъ генераламъ сказалъ: «вы не можете вообразить, что я терпѣлъ отъ него». Князь Оболенскій былъ старшимъ адъютантомъ въ дежурствѣ гвардейской пѣхоты, а Николай Павловичъ, какъ великій князь, командовалъ одной изъ дивизій гвардейской пѣхоты. Многіе вѣрноподданые сами поспѣшили привозить къ Императору ближайшихъ своихъ родственниковъ недожидаясь, чтобы приказано было ихъ взять. Такъ Д. С. Ланской не дозволилъ родному племяннику жены своей, князю Одоевскому, никакой попытки къ избѣжанію ожидавшей его участи и не давъ ему отдохнуть, ни перекусить, повелъ во дворецъ. Супруга Ланского наслѣдовала двѣ тысячи душъ отъ князя Одоевскаго, по произнесенію надъ нимъ приговора. Однако же были лица, оказавшіе состраданіе и человѣколюбіе. Капитанъ-лейтенантъ Николай Вестужевъ, укрываясь отъ преслѣдованія, вошелъ въ незнакомый ему домъ и, пройдя

рядъ пустыхъ комнатъ, очутился въ кабинетѣ одного знатнаго пожилого человѣка. Удивленный неожиданнымъ явленіемъ N спросилъ Бестужева, чего онъ хочетъ? и, узнавъ отъ него, что онъ скрывается и голоденъ, заперъ его въ кабинетѣ, самъ принесъ ему закусить, предложилъ денегъ и сказалъ, что скрыть у себя не можетъ потому что имѣетъ сына въ гвардіи, который непременно его выдастъ, но проводить его самъ изъ дому скрытно. Во время разговора услышали въ ближайшей комнатѣ голосъ сына возвратившагося съ нѣсколькими друзьями офицерами и, рѣзко изъяслявшаго свое мнѣніе противъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ сей день. Старикъ немедля вывелъ Бестужева, который успѣлъ уѣхать въ Кронштадтъ. Многіе бѣжавшіе съ площади нижніе чины и офицеры скрывались въ домѣ тещи моей и онъ былъ окруженъ съ обѣихъ сторонъ. Сестра тещи моей, княгиня Бѣлосельская предложила ей ночлеги въ своемъ домѣ, а сестра жены моей, графиня Лебцельтернъ, предложила въ своемъ—женѣ моей и мнѣ. Это послѣ причтено мнѣ было въ намѣреніе укрыться въ домѣ иностраннаго посланника. Ночью съ 14-го на 15-е число, графъ Лебцельтернъ приходитъ меня будить и говорить, что Императоръ меня требуетъ. Я, одѣвшись, вошелъ къ нему въ кабинетъ и нашелъ у него графа Несельрода, въ полномъ мундирѣ; шурина его графа Алекс. Гурьева, который пришелъ изъ любопытства и, съ которымъ мы размѣнялись пожатіемъ руки, и флигель-адъютанта князя Андрея Михайловича Голицына, который объявилъ мнѣ, что Императоръ меня требуетъ. Я сѣлъ съ нимъ въ сани и, когда пріѣхали во дворецъ, онъ въ прихожей сказалъ мнѣ, что Императоръ приказалъ ему потребовать у меня шпагу; я отдалъ и онъ повелъ меня въ генераль-адъютантскую комнату, а самъ пошелъ доложить. У каждой двери стояло по трое часовыхъ. Вездѣ

около дворца и по улицамъ къ нему ведущимъ, стояло войско и разведены были огни.

Меня позвали. Императоръ пришелъ ко мнѣ на встрѣчу въ полной формѣ и лентѣ и, поднявъ указательный палецъ правой руки противъ моего лба, сказалъ: «что было въ этой головѣ, когда вы съ вашимъ именемъ, съ вашей фамиліей, вошли въ такое дѣло? Гвардіи полковникъ князь Трубецкой!.. Какъ вамъ не стыдно быть вмѣстѣ съ такою дрянью, ваша участь будетъ ужасная», и обратившись къ генералу Толь, сказалъ: «прочтите». Толь выбралъ изъ бумагъ, лежащихъ на столѣ, одинъ листъ и прочелъ въ немъ показаніе, что бывшее происшествіе есть дѣло Тайнаго Общества, которое кромѣ членовъ въ Петербургѣ, имѣетъ еще большую отрасль въ 4-мъ корпусѣ, и что дежурный штабъ офицеръ этого корпуса, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка полковникъ князь Трубецкой, находящійся теперь въ Петербургѣ, можетъ дать полное свѣдѣніе о помянутомъ Обществѣ. Когда онъ прочелъ, Императоръ спросилъ: «Это Пущина»?—Толь: «Пущина».

Я. Государь! Пущинъ ошибается...

Толь. А! вы думаете это Пущина.—А гдѣ Пущинъ живетъ?

Я видѣлъ что почеркъ не Пущина, но подумалъ что повторивъ имя его, можетъ быть назовуть мнѣ показателя. На вопросъ Толя, я отвѣчалъ: «не знаю».

Толь. У отца ли онъ теперь?

Я. Не знаю.

Толь. Я всегда говорилъ покойному государю, Ваше Величество, что 4-й корпусъ гнѣздо Тайныхъ Обществъ и, почти всѣ полковые командиры къ нему принадлежать, но Государю не угодно было вѣрить.

Я. Ваше Превосходительство, имѣете очень невѣрные свѣдѣнія.

Толь. Ужъ вы не говорите,—я это знаю.

Я. Послѣдствія докажутъ что Ваше Превосходительство ошибаетесь. Въ 4-мъ корпусѣ нѣтъ Тайнаго Общества, я за это отвѣчаю.

Императоръ прервалъ нашъ споръ, подавъ мнѣ листъ бумаги и сказалъ: «пишите показаніе» и, показавъ мѣсто на диванѣ, на которомъ сидѣлъ и съ котораго всталъ теперь. Прежде нежели я сѣлъ, Императоръ началъ опять разговоръ. «Какая фамилія князь Трубецкой, гвардіи полковникъ и въ какомъ дѣлѣ! Какая милая жена! Вы погубили вашу жену! Есть у васъ дѣти?»

Я. Нѣтъ.

Императоръ. Вы счастливы, что у васъ нѣтъ дѣтей! Ваша участь будетъ ужасная! Ужасная!

И, продолжавъ нѣкоторое время въ этомъ тонѣ, заключилъ: «пишите все что знаете», и ушелъ въ кабинетъ.

Я остался одинъ. Видѣлъ себя въ положеніи очень трудномъ, не хотѣлъ скрывать принадлежности моей къ Тайному Обществу, что и не привело бы ни къ чему доброму, потому что ясно было изъ прочтеннаго мнѣ и многихъ исписанныхъ, разными почерками листовъ, что болѣе извѣстно, нежели бы я желалъ. Но между тѣмъ я не хотѣлъ имѣть возможность упрекать себя, что я, кого бы то нибыло назвалъ. И потому я въ своемъ отвѣтѣ написалъ, что принадлежу къ Тайному Обществу, которое имѣло цѣлію улучшеніе правительства, что обстоятельства послѣдовавшія за смертію Государя, казались Обществу благопріятными къ исполненію намѣреній его; и что оно, предпринявъ дѣйствія, избрало меня диктаторомъ, но что я, наконецъ, увидя, что болѣе нужно мое имя, нежели лицо и распоряженія, удалился отъ участія. Этой уверткой я надѣялся отстранить дальнѣйшіе вопросы, къ которымъ не былъ приготовленъ. Пока я писалъ, вышелъ

Михаиль Павловичъ и подошелъ ко мнѣ; постояль противъ меня и я противъ него не болѣе минуты и вышелъ. Между тѣмъ приходили другія лица, которыхъ разспрашивалъ Толь и которыхъ потомъ выводили. Входиль и Императоръ для допросовъ и уходиль обратно. Когда я окончиль писать, подалъ листь вошедшему Толо; онъ унесъ его къ Императору. Нѣсколько погодя Толь, позвалъ меня въ другой кабинетъ. Я едва переступись за дверь, Императоръ на встрѣчу въ сильномъ гнѣвѣ: «Экъ! что на себя нагородили, а того, что надобно не сказали» и скорыми шагами отойдя къ столу взялъ на немъ четвертку листа, поспѣшно подошелъ ко мнѣ и показавъ: «Это что? Это ваша рука?»

Я. Моя.

Императоръ. (крича). Вы знаете, что могу васъ сейчасъ разстрѣлять!

Я. (Сложивъ руки и также громко). Разстрѣляйте Государь! Вы имѣете право.

Императоръ. (Также громко). Не хочу. Я хочу, чтобъ судьба ваша была ужасная!

Выпихнувъ меня своимъ подходомъ въ передній кабинетъ, повторялъ тоже нѣсколько разъ, понижая голосъ. Отдалъ Толо бумаги и велѣлъ приложить къ дѣлу, а мнѣ опять началъ говорить о моемъ родѣ, о достоинствахъ моей жены и ужасной судьбѣ, которая меня ожидаетъ и уже все это жалобнымъ голосомъ. Наконецъ, подведя меня къ тому столу, на которомъ я писалъ и, подавъ мнѣ лоскутъ бумаги сказалъ: «пишите къ вашей женѣ». Я сѣлъ, онъ стоялъ. Я началъ писать: другъ мой, будь спокойна и молись Богу!.. Императоръ прервалъ: «что тутъ много писать! напишите только: «я буду живъ и здоровъ». Я написалъ: «Государь стоитъ возлѣ меня и велить написать, что я живъ и здоровъ! Я подалъ ему. Онъ прочелъ и сказалъ: «Я живъ и здоровъ буду, припи-

шите, буду, вверху». Я исполнилъ. Онъ взялъ и велѣлъ идти мнѣ за Толемъ. Толь, выведя меня, передалъ тому же князю Голицыну, который меня привезъ и который теперь взялъ конвой кавалергардовъ, отвезъ меня въ Петропавловскую крѣпость и передалъ коменданту Сукину. Шубу мою во дворцѣ украли и мнѣ саперный полковникъ далъ свою шинель на ватѣ доѣхать до крѣпости.

Здѣсь я нѣсколько часовъ дожидался сначала въ залѣ, потомъ въ домово́й церкви до тѣхъ поръ, какъ отвели меня въ номеръ 7-й Алексѣевского рavelина. Въ церкви я горячо помолился, особенно при мысли, что можетъ быть я болѣе никогда уже не буду въ храмъ Божи́емъ. Когда меня привели въ назначенный номеръ рavelина, велѣли раздѣться и, оставя на мнѣ только рубашку, портки и чулки, подали халатъ и короткія туфли, которыя черезъ нѣсколько дней перемѣнили на большія изорванныя. Окно мое не было замазано подобно другимъ окнамъ; причины тому я никогда не могъ узнать. Окошко въ дверяхъ, завѣшанное снару́жи, давало возможность видѣть меня во всякое время, а мнѣ воспрещено видѣть, что дѣлается въ корридорѣ. На ночь горѣла на окнѣ лампада, которую зажигали, какъ скоро погасала. Мебель состояла изъ жесткой очень постели, маленькаго столика, стула и судна. Вечеромъ подавали свѣчу и щипцы съ обломаннымъ кончи́комъ. Ножей и вилокъ не давали, посуда была оловянная. Чрезъ нѣсколько дней жена моя прислала мнѣ бѣлья и мнѣ давали его въ перемѣну. Осматривали пристально чтобъ не было ничего остроконечнаго, даже булавки. Пищу давали по утру, чай съ бѣлой булкой; обѣдать супъ или щи, говядину и кашу, или картофель; вечеромъ чай и ужинъ. Въ теченіи первыхъ не менѣе какъ шести недѣль, по ночамъ будили насъ громкимъ стукомъ въ корридорѣ, на вопросы о стукѣ не давали отвѣта и, вообще, всѣ

вопросы оставались безъ отвѣта, или отвѣтъ былъ: не знаю, не слыхалъ и т. п. Въ теченіи дня и вечеромъ прислужники подкрадывались тихонько въ валенкахъ или въ чемъ подобнымъ, чтобы не было слышно ихъ шаговъ и, украдкой, подсматривали въ дверное окно. Случалось сначала довольно часто слышать и деревяшку коменданта, сопровождавшую ноги, обутыя въ сапоги, и шпоры и голоса, между которыми многіе полагали похожій на голосъ Императора. Однажды я довольно внятно слышалъ, какъ Сукинъ съ уваженіемъ отвѣчалъ на вопросы и называлъ номера и сидящихъ въ нихъ.

17-го вечеромъ пришелъ за мной плацъ-адъютантъ и принесли мнѣ мой мундиръ. Я одѣлся и меня отвели въ домъ коменданта, гдѣ я нашелъ генерала Левашева. Дорогой, я, будучи въ одномъ мундирѣ, жестоко озябъ и, кажется, Левашевъ принялъ дрожь мою за трусость, потому что онъ спросилъ меня: отчего я дрожу? Сказавъ мнѣ по французски, что онъ присланъ отъ Императора разспросить меня, онъ прибавилъ: «Ah! mon Prince, vous avez fait bien du mal à la Russie, vous l'avez reculée de cinquante ans»!

Потомъ онъ сталъ спрашивать меня о составѣ и образованіи Южнаго Общества. На отвѣтъ мой, что я не могу ему дать никакихъ о томъ свѣдѣній, потому что самъ ихъ не имѣю, онъ мнѣ прочелъ многія подробности, изъ которыхъ я увидѣлъ, что извѣстенъ весь составъ и всѣ лица. Я не зналъ, что Майборода сдѣлалъ свой доносъ.

«Вы генераль, гораздо больше знаете, чѣмъ я, почти все, что вы мнѣ читали, для меня ново».

Онъ. Это не можетъ быть, вы только не хотите сказать.

Я. Если бы я желалъ, то ничего не могу вамъ сказать, потому что ничего этого не знаю.

Онъ. Вы были на югѣ и вы видѣлись съ Пестелемъ?
Я. Нѣтъ, я Пестеля не видалъ уже нѣсколько лѣтъ.
Могу ли я объ немъ теперь спросить?

Онъ. Онъ арестованъ. Если не хотите мнѣ отвѣчать, то вы можете писать прямо къ Государю.

Спросивъ меня принадлежитъ ли къ Обществу полковникъ И. М. Бибииковъ и получивъ отрицательный отвѣтъ, генераль Левашевъ меня отпустилъ. Мнѣ показалось, что генераль Левашевъ не очень повѣрилъ утверждению моему о непринадлежности Бибиикова къ Тайному Обществу, и потому возвратившись въ номеръ, я спросилъ листъ почтовой бумаги, перо и чернильницу и написалъ къ Левашеву письмо, въ которомъ положительно утверждалъ, что Бибииковъ не принадлежитъ къ Тайному Обществу и ничего не зналъ ни о существованіи его, ни о 14-мъ числѣ. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней пришелъ ко мнѣ смотритель равелина съ большимъ конвертомъ въ рукѣ, и спросилъ меня, писалъ ли я къ Государю? На отрицательный мой отвѣтъ сказалъ, что кто-то писалъ изъ равелина и что, вѣроятно, онъ ошибся номеромъ и вышелъ.

23-го приходитъ за мной плацъ-адъютантъ. Я одѣлся, меня позвали въ домъ коменданта. Войдя въ комнату, я нашель сидящихъ за столомъ: въ головѣ военнаго Министра Татищева; по правую руку, великаго князя Михаила Павловича, по лѣвую—князя Ал. Ник. Голицына; возлѣ нихъ генераль-адъютанта Голенищева-Кутузова, Бенкендорфа, Левашева, флигель-адъютанта полковника Адлерберга и 5-го класса Боровкова. Начались вопросы о 14-мъ числѣ, о цѣляхъ его и средствахъ достиженія цѣли. Я отвѣчалъ, что цѣль была доставить Россіи правильное правленіе, воспользовавшись обстоятельствами небывалыми въ Россіи; что мы увѣрены были, что войска не повѣрятъ манифесту, который не будетъ изданъ отъ лица

Государя, которому присягнули, и, упорство войска принести присягу хотѣли обратить къ произведенію въ законоположеніе, тѣхъ перемѣнъ, которыя избавили бы отечество наше на будущее время, отъ переворотовъ, подобныхъ французской революціи; что когда бы сопротивленіе оказалось бы довольно сильно, то вѣроятно, власть вступила бы съ нами въ переговоры и, тогда мы могли бы отечеству своему доставить то, чего желали.

Великій князь. Кто вступилъ бы съ вами въ переговоры?

Я. Государь.

Великій князь (съ гнѣвомъ). Съ вами? Съ бунтовщиками? Это дѣло иностранное. На площади былъ князь Шварценбергъ отъ Австрійскаго посольства.

Я. Мы не допустили бы никакого иностраннаго вмѣшательства въ наше дѣло. Оно должно быть совершенно русское.

Великій князь. Какъ зовутъ секретаря графа Лебцельтерна?

Я. Ихъ нѣсколько.

Великій князь. *Son secretaire particulier?*

Я. Я не знаю его имя.

Великій князь. Какъ вы не знаете! *Slumlauer.*

Я. Онъ не частный секретарь, онъ секретарь посольства.

Великій князь. Все равно.

Продержавъ меня довольно долго отпустили. Выходя въ другую комнату, я увидѣлъ, что поспѣшно накрыли кому то небольшого роста голову мѣшкомъ, чтобъ я не узналъ. 24-го вечеромъ, опять требовали меня и я нашелъ собраніе. Сегодня вопросы были многочисленнѣе: два, три человѣка спрашивали разныя вещи въ одно время съ насмѣшками, колкостями, почти ругательствомъ, одинъ противъ другого на перерывѣ. Между прочимъ послѣ разныхъ

вопросовъ о разговорахъ и совѣщаніяхъ между членами до 14-го числа, Бенкендорфъ, спросилъ: «когда все было положено между вами, вы, возвратившись, все повѣрили княгинѣ вашей женѣ?»

Я. Нѣтъ, генераль, я женѣ моей ничего не повѣрялъ, она не болѣе знала какъ и вы.

Бенкендорфъ. Почему же не довѣрить, это очень натурально. Когда любишь жену, то очень натурально повѣрить ей свои тайны.

Я. Я не понимаю какое вы имѣете понятіе о супружеской любви, когда полагаете, что можно повѣрить женѣ такую тайну, которой познаніе можетъ подвергнуть ее опасности.

Бенкендорфъ. Да, что же тутъ удивительнаго? *C'est très naturel, que vous ayez confié à votre femme les projets, qui vous occupaient, et il n'y a rien là qui doit étonner. C'est fort simple, si vous n'avez pas tout dit à la princesse, vous deviez nécessairement lui confier, au moins, quelque chose.*

При каждомъ вопросѣ Бенкендорфа, мое негодованіе возростало и теперь возросло до высочайшей степени: «*Je ne sais pas, Général, comment vous aimez votre femme, mais ce que je sais moi, c'est que si jamais j'avais confié, à ma femme un secret, dont la connaissance aurait pu seulement la compromettre je me serais considéré comme un infâme.*»

Левашевъ, который сидѣлъ послѣдній ко мнѣ и возлѣ Бенкендорфа, поспѣшилъ теперь прервать разговоръ и, обратясь къ нему, сказалъ: «*Ecoutez Benkendorff, c'est très-probable, que le prince n'a voulu rien confier à sa femme et qu'elle n'a rien su.*»

Я наконецъ сказалъ; «Господа, я не могу отвѣчать всѣмъ вмѣстѣ; каждый спрашиваетъ разное, — извольте спрашивать меня по порядку и тогда я буду отвѣчать».

Генераль-Адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ. (Съ громкимъ хохотомъ). Нѣтъ, этакъ лучше, скорѣй собьется.

Я. Надѣюсь, что Вашему Превосходительству, не доставлю этого удовольствія. Я повторяю, что не могу отвѣчать, когда меня такъ спрашиваютъ какъ теперь. Всѣ говорятъ вмѣстѣ на перерывѣ. Напали на меня какъ на бѣшеную собаку. Вы требуете отвѣта о бывшемъ за нѣсколько тому лѣтъ, можно ли все припомнить въ одну минуту? Если вамъ угодно имѣть отъ меня отвѣты, задайте мнѣ писанные вопросы и тогда я буду отвѣчать.

Почти всѣ. Вотъ еще. Отвѣчайте словесно.

Я. Я не могу отвѣчать.

Великій князь. Требованіе князя Трубецкого справедливо. Задайте ему письменные вопросы и пошлите ихъ къ нему, чтобъ онъ письменно отвѣчалъ.

Члены согласились. Всѣ встали. Князь Голицынъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Государь вами очень недоволенъ. Вы не хотите отвѣчать ничего. Государю ваши отвѣты не нужны для узнанія дѣла, все уже извѣстно. Онъ желаетъ видѣть только вашу откровенность и, что вы чувствуете милости его; не заставляйте принять съ вами непріятныхъ для васъ мѣръ».

Я. Я уже сказалъ Государю въ первый день, все что касается моего участія и, готовъ пополнить все что угодно будетъ еще спросить,—но согласитесь, Ваше Сіятельство, что я не могу быть доносчикомъ.

Подошелъ военный министръ и плачущимъ тономъ сталъ уговаривать меня, чтобы я все открылъ. Наконецъ меня отпустили, продержавъ очень долго. Я пришелъ въ свой номеръ въ совершенномъ изнеможеніи и сталъ харкать кровью. На другой день Рождества Христова я былъ боленъ. Прислали вопросные пункты, на которые отвѣчалъ. Не помню въ какой день получилъ запросы о письмѣ,

посланномъ чрезъ Свистунова въ Москву къ Степ. Мих. Семенову. Отвѣчалъ, что увѣдомлялъ его о происшествіяхъ бывшихъ въ Петербургѣ. Потомъ получилъ запросъ, къмъ Семеновъ принять въ Общество? Отвѣчалъ, что не знаю. Вечеромъ требуютъ меня въ комитетъ. Послѣ разныхъ вопросовъ о знакомствѣ моемъ съ Семеновымъ и о принадлежности его къ Обществу, на которые вопросы я отвѣчалъ, что полагалъ его членомъ, но утвердительно сказать не могу, чтобы онъ былъ имъ,—говорятъ, мнѣ чтобы я обернулся и спрашиваютъ, узнаю ли я Семенова? Я обернулся и увидѣлъ его за собою. Повторяютъ вопросъ, этотъ ли Семеновъ принадлежалъ къ Обществу? На повторенный отвѣтъ мой, что утвердительно сказать не могу принадлежать ли онъ къ Обществу, Семеновъ возразилъ: «какъ же князь, вы знаете, что я не принадлежалъ къ Обществу, вы меня въ Тайное Общество не принимали, и съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ изъ Петербурга, вы знаете, гдѣ я былъ, и что я тамъ не могъ быть принять никѣмъ».

Я. Г. Семеновъ говоритъ правду, я его не принималъ и, не знаю, чтобы кто либо другой его принялъ.

Вопросъ. Вы писали къ г. Семенову чрезъ Свистунова; вы писали къ нему, какъ къ члену Тайнаго Общества?

Я. Что я писалъ къ г. Семенову, я могъ писать и ко всякому другому знакомому, хотя бы онъ и не былъ членомъ Тайнаго Общества.

Вопросъ. Но вѣдь, вы полагали, г. Семенова членомъ Тайнаго Общества и писали къ нему чрезъ Свистунова въ Москву и, даже прежде съ нимъ переписывались?

Я. Наша переписка касалась единственно, личныхъ дѣлъ г. Семенова.

Семеновъ. Князь Трубецкой знаетъ, что когда мы

видѣлись съ нимъ въ послѣдній разъ, я не былъ членомъ Тайнаго Общества, это онъ можетъ подтвердить; съ тѣхъ поръ я жилъ три года вдали отъ всѣхъ знакомыхъ.

Генераль Левашевъ (обращаясь къ Комитету). Князь Трубецкой не хочетъ доказать, что г. Семеновъ принадлежитъ къ Тайному Обществу и я знаю почему. Г. Семеновъ принялъ его брата, а князь Трубецкой боится, чтобы г. Семеновъ этого не объявилъ, когда онъ докажетъ ему, что онъ членъ Тайнаго Общества.

Я. Предположеніе Генерала Левашова несправедливо, ни одинъ изъ моихъ братьевъ не принадлежитъ къ Обществу.

Левашевъ. Вашъ братъ, который служитъ въ кавалергардскомъ полку, членъ Тайнаго Общества.

Я. Неправда.

Левашевъ (къ Комитету). Г. Семеновъ воспитывалъ меньшого брата князя Трубецкого и принялъ его въ Тайное Общество.

Я. Неправда. Братъ мой, о которомъ теперь говоритъ генераль Левашевъ, не принадлежитъ къ Тайному Обществу и ни одинъ изъ моихъ братьевъ не зналъ о существованіи Тайнаго Общества. Г. Семеновъ пріѣзжалъ изъ Москвы съ моею мачихою и жилъ съ полгода у нея въ домѣ, занимаясь съ меньшимъ моимъ братомъ; еслибы былъ тогда г. Семеновъ членомъ Общества, то не могъ бы принять моего брата, которому было не болѣе 15-ти лѣтъ. Тогда г. Семеновъ не былъ членомъ Общества, а послѣ того, онъ брата моего не видалъ.

Послѣ этого, Семеновъ продолжалъ доказывать, что не могъ принадлежать къ Тайному Обществу, опираясь болѣе на томъ, что онъ былъ въ разлукѣ съ членами его и на томъ, что изъ всѣхъ онъ былъ болѣе знакомъ со мною и что кромѣ меня никто по этой причинѣ не могъ бы его

принять, а что я его не принималъ въ этомъ онъ ссылается на меня, и, вообще, всѣ свои ссылки на меня дѣлалъ такъ ловко, что я долженъ былъ по справедливости, все подтвердить. Наконецъ меня отпустили, оставивъ Семенова. Въ другой разъ призвали меня также вечеромъ въ Комитетъ, который я нашелъ на этотъ разъ полнѣе прежняго.

Тутъ сидѣли кромѣ прежнихъ видѣнныхъ мною лицъ, генералы Дибичъ и Потановъ. Во все время говорилъ и допрашивалъ Дибичъ одинъ. Предъ Комитетомъ стоялъ Батенковъ. Требовали, чтобы я доказалъ, что Батенковъ принадлежитъ къ Тайному Обществу и говорили, что 19-тъ есть на то показаній. Я отозвался, что доказать о принадлежности Батенкова, не могу, потому что не знаю, чтобы кто его когда принялъ и самъ никогда не говорилъ съ нимъ объ Обществѣ. Что я съ нимъ очень мало былъ знакомъ, что разъ я разговаривалъ съ нимъ, передъ 14-мъ числомъ, о странныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ было тогда наше отечество и этотъ разговоръ оправдывался бывшими тогда обстоятельствами и не нужно было принадлежать къ Тайному Обществу, чтобъ разговаривать о такомъ предметѣ, который такъ много всѣхъ занималъ.

Сидя въ своемъ номерѣ равелина, я дивился, что не имѣю никакихъ вопросовъ о членахъ Общества на югѣ. Разъ только получилъ я бумагу, въ которой было сказано, что полковникъ Пестель показываетъ одно обстоятельство, на которое требовали моего объясненія, и болѣе никогда не упоминали ни о комъ изъ южныхъ членовъ. Я не зналъ ни доносовъ Майбороды, Шервуда и Витта, ни возстанія Черниговскаго полка, и не могъ разгадать такого молчанія. Долженъ былъ, однакоже заключить, что Комитетъ имѣетъ свѣдѣнія важнѣе тѣхъ, которыя бы могъ ожидать отъ меня. До масляницы я не получалъ ника-

кихъ почти вопросовъ, исключая о принадлежности нѣкоторыхъ членовъ и о томъ, кѣмъ и когда они были приняты. На эти вопросы отзывался незнаемъ. Наконецъ въ началѣ поста, на второй недѣлѣ, пришелъ за мною плацъ-адъютантъ, и въ комнатѣ, въ которой собирался Комитетъ, я нашелъ генерала Чернышева и полковника Адлерберга. Первый держалъ въ рукахъ тетрадь въ нѣсколько листовъ, по которой предлагалъ мнѣ различные вопросы, большею частію нелѣпыя, по показанію будто-бы многихъ членовъ Общества, — о пребываніи моемъ за границей, дѣйствіи тамъ и знакомствѣ. Адлербергъ въ это время рисовалъ на бумагѣ предъ нимъ лежащей и, какъ мнѣ многіе сказывали, это было вообще его занятіе во время допросовъ. Чернышевъ допрашивалъ съ какою то насмѣшливостью. Продержавъ довольно долго отпустили. На другой день я получилъ огромную тетрадь, въ которой спрашивались различныя подробности о дѣйствіи предъ 14-мъ числомъ и о предположенномъ дѣйствіи этого числа. Большею частію допросные пункты были нелѣпы, между ними были: «кто вызвался нанести ударъ, по моему предложенію, царствующему Императору?» На этотъ вопросъ должно бы было просто отвѣчать, что этого никогда не было и что никто не вызвался, что было истинно. Но я прежде нежели отвѣчать на него, вздумалъ намекнуть объ немъ въ письмѣ къ женѣ моей. Я каждый вечеръ посылалъ къ ней письма чрезъ плацъ-адъютанта. На другой день, по утру, плацъ-адъютантъ принесъ мнѣ письмо назадъ сказавъ, что велѣно мнѣ сказать, что ненужно подобныхъ вещей писать, что онѣ могутъ огорчить жену мою. Тогда я въ отвѣтъ на допросъ написалъ: «что такого ужаснаго вопроса комитетъ вѣроятно не сдѣлалъ бы мнѣ, еслибы кто либо того не показалъ, а потому могутъ показателя спросить, чтобы онъ назвалъ того, кто вызвался, а я самъ никого не знаю».

Разсужденіе, которому я слѣдовалъ, сдѣлавъ такой отвѣтъ, было ложно; оно основывалось на увѣренности, что Комитетъ и всѣ дѣйствія его ничто болѣе, какъ комедія, что участь моя и всѣхъ прочихъ со мной содержащихся, давно уже рѣшена въ умѣ Императора и, что какъ бы дѣло не пошло мнѣ суждено сгнить въ крѣпостномъ заключеніи, и потому если Императоръ будетъ по моимъ отвѣтамъ заключать, что я упорствую въ заширательствѣ, то заключеніе мое будетъ строже. Оттого я вздумалъ, не отвергая рѣшительно показанія, заставить обратиться къ показателю, который не въ состояніи будетъ поддерживать своего показанія, назвавъ небывалое лицо. Я, кажется, въ предположеніи своемъ кругомъ ошибся. На прочіе вопросы я отвѣчалъ подробно, когда касалось это собственныхъ моихъ предположеній или дѣйствій, стараясь избѣгать утвержденія показаній на другія лица. При всемъ томъ вырвались у меня неосторожныя слова на лейтенанта Морского Гвардейскаго Экипажа Арбузова. Ихъ нельзя уже было вымарать, ни изорвать, потому что листы, которые давались на отвѣты были занумерованы, но къ счастью, онъ заперся въ томъ, что я на него показалъ и, когда спросили вновь моего подтвержденія, я имѣлъ возможность поправить свою ошибку и отпереться отъ словъ моихъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего пришелъ ко мнѣ священникъ. Онъ уже разъ былъ у меня и, какъ мнѣ казалось, ко мнѣ хотѣлъ подладиться, но недовольно ловко и я остался въ сомнѣніи относительно его мыслей и намѣреній. Теперь казалось мнѣ представился случай узнать и тѣ и другія и то прямо ли онъ дѣйствуетъ, или хитритъ. Для этого я ему рассказалъ о вопросѣ касательно лица Императора и о моемъ на него отвѣтѣ. По впечатлѣнію, которое это на него сдѣлало, я заключилъ, что

онъ человѣкъ съ хорошими чувствами. Онъ просилъ меня, чтобъ я всякую ложь отвергалъ рѣшительно, потомъ спросилъ меня не хочу ли я принять исповѣди и, на согласіе мое сказалъ, что будетъ ко мнѣ для принятія ея. Я однакоже ожидалъ его нѣсколько недѣль и онъ пришелъ тогда, когда я пересталъ его ожидать. Съ искреннимъ чувствомъ моего недостойнства приступилъ я къ причащенію крови и тѣла Христова и чистая радость овладѣла въ эту минуту душею моею и упованіе на милость Божию твердо вкоренилось въ сердцѣ моемъ. Исповѣдь моя, кажется, привязала ко мнѣ священника; онъ меня полюбилъ и, съ этой поры, довольно часто меня навѣщалъ. Онъ убѣдился, что все то что онъ слышалъ про меня была ложь и что я могъ ошибаться на пути добра, но зла никогда на умѣ не имѣлъ и что находили нужнымъ приписать мнѣ злые умыслы для того, чтобы оправдать ту степень приговора, которому намѣрены были меня подвергнуть

Въ теченіи этого времени, я не получалъ никакихъ запросовъ и меня ничѣмъ Комитетъ не тревожилъ. Но 28 числа марта, послѣ обѣда, отворяютъ дверь моего номера и входитъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, высылаетъ офицера и послѣ незначущихъ замѣчаній о сырости моего жилища, садится на стулъ и проситъ меня сѣсть. Я сѣлъ на кровать.

Онъ ¹⁾. Je suis venu chez vous de la part de sa Majesté l'Empereur, vous devez considérer comme, si Vous parliez avec l'Empereur lui même. Je ne suis qu'un intermediaire nécessaire. L'Empereur comme de raison ne peut pas venir vous voir lui-même; il ne peut pas venir ici, il serait inconvenable, qu'il vous fasse appeler chez lui; il faut donc qu'il

¹⁾ Онъ (Бенкендорфъ): Я пришелъ къ вамъ отъ имени Его Величества. Вы должны представить себѣ, что говорите съ самимъ Императоромъ. Въ этомъ случаѣ я только необходимый посредникъ. Очень естественно, что Импе-

y ait un intermédiaire entre lui et vous. La conversation, qui aura lieu entre vous et moi, doit donc être un secret pour tout le monde, comme si elle avait lieu entre l'Empereur et vous. Sa Majesté a de grandes bontés pour vous et elle attend un témoignage de votre reconnaissance.

Я. Général, je suis très reconnaissant à sa Majesté pour toutes ses bontés dont voici le témoignage (показывая на кипу писемъ жениныхъ, лежавшую у меня на столѣ, и которыя я получалъ ежедневно).

Онъ. Qu'est-ce que c'est que cela! Il ne s'agit pas de cela. Rappelez vous, que vous êtes entre la vie et la mort...

Я. Je le sais très bien, Général, que je suis plus près de la dernière.

Онъ. Hé bien! Vous ne savez pas, ce que l'Empereur fait pour vous. On peut, être bon, on peut être clément mais il y a une mesure à tout. La loi donne un pouvoir absolu à l'Empereur, cependant il y a des choses qu'il ne devrait pas faire, et je ne crains pas de dire, qu'Il outre-passe même son droit de faire grâce en votre faveur. Mais il faut aussi, que de votre côté, vous lui donniez une preuve de votre reconnaissance. Je vous répète de nouveau, que tout, ce que vous me direz ne sera connu, que de la personne de l'Empereur et, que je ne suis que le canal, par lequel vos paroles devront passer.

Я. Je vous ai déjà dit, Général, que je suis très reconnaissant à sa Majesté pour la bonté, qu'elle a eû de me permettre de correspondre avec ma femme, et je voudrais savoir, comment je puis lui en témoigner ma reconnaissance.

Онъ. L'Empereur voudrait savoir quelles sont les relations, que vous avez eues avec M-r Speransky?

раторъ самъ не можетъ придти сюда; васъ позвать къ себѣ для него было-бы неприлично; слѣдовательно между вами и имъ необходимъ посредникъ. Разговоръ нашъ останется тайной для всего свѣта, какъ будто-бы онъ происхо-

Я. Je n'ai eu aucune relation particulière avec M-r Speransky.

Онъ. Permettéz, je dois vous dire de la part de sa Majesté l'Empereur, qu'il vous certifie, par ma bouche, que tout ce que vous me direz sur M-r Speransky, restera un secret entre lui et vous; qu'il n'en arrivera rien à M-r Speransky, il est audessus de cela. On a besoin de lui, mais l'Empereur veut seulement savoir, quel degré de confiance il doit lu accorder?

Я. Général, je ne puis rien vous citer de mes relations avec M-r Speransky, excepté les relations, qu'on a ordinairement en société.

Онъ. Mais vous avez raconté à quelqu'un une conversation, que vous avez eue avec M-r Speransky; vous l'avez même consulté sur la constitution à donner a la Russie?

Я. C'est faux, Général, on a induit sa Majesté en erreur.

Онъ. Je dois vous répéter de nouveau, que vous n'avez rien à craindre pour M-r Speransky, c'est l'Empereur, qui vous le dit lui même et vous devez une profonde reconnaissance à sa Majesté, parce que Vous ne pouvez même

диль между вами и самимъ Государемъ. Его Величество очень снисходителенъ къ вамъ и ожидаетъ отъ васъ доказательства вашей благодарности.

Я. Генераль, я очень благодаренъ Его Величеству за его снисходительность, и вотъ доказательство ея.

Онъ. Да что это!.. дѣло не въ томъ,—помните, что вы находитесь между жизнью и смертью.

Я. Я знаю, что нахожусь ближе къ послѣдней.

Онъ. Хорошо! Вы не знаете, что Государь дѣлаетъ для васъ. Можно быть добрымъ, можно быть милосерднымъ, но всему есть границы. Законъ предоставляетъ Императору неограниченную власть, однако есть вещи, которыхъ ему не слѣдовало-бы дѣлать, и я осмѣливаюсь сказать, что онъ превышаетъ свое право, милуя васъ. Но нужно, чтобъ и съ своей стороны вы ему доказали свою благодарность. Опять повторяю вамъ, что все сообщенное вами будетъ извѣстно одному только Государю; я только посредникъ, черезъ котораго ваши слова передадутся ему.

Я. Я уже сказалъ вамъ, что очень благодаренъ Государю за позволеніе переписываться съ моей женой. Мнѣ бы очень хотѣлось знать какимъ образомъ я могу показать свою признательность.

Онъ. Государь хочетъ знать въ чемъ состояли ваши сношенія съ Сперанскимъ.

pas vous représenter ce qu'il fait pour vous. Je vous dis encore une fois, qu'il outre passe toutes les lois divines et humaines en votre faveur. L'Empereur ne désire autre chose, que vous lui prouviez votre reconnaissance par votre sincérité.

Я. Je voudrais bien prouver ma reconnaissance par tout ce qui est en mon pouvoir, mais, je ne puis calomnier personne. Je ne puis pas dire, ce qui n'a jamais été. L'Empereur ne peut pas attendre de moi, que j'invente une conversation, qui n'a pas en lien. Et même, si je pouvais avoir cette faiblesse, faudrait-il encore, que je prouve, que j'ai eu cette conversation.

Онъ. L'Empereur sait, que vous l'avez racontée à une personne et c'est de cette même personne, que l'Empereur le tient?

Я. Je puis vous assurer, Général que cette personne en a menti à l'Empereur!

Онъ. Prenez garde, prince Troubetzkoy, vous savez, que vous êtes entre la vie et la mort!

Я. He! Général, je le sais bien, mais je ne puis dire un mensonge et je dis, que la personne, qui a eû l'effronterie

Я. У меня не было съ нимъ особенныхъ сношеній.

Онъ. Позвольте, я долженъ вамъ сказать отъ имени Его Величества, что все сообщенное вами о Сперанскомъ останется тайной между имъ и вами. Ваше показаніе не повредитъ Сперанскому, онъ выше этого. Онъ необходимъ но Государь хочетъ только знать до какой степени онъ можетъ довѣрять Сперанскому.

Я. Генераль, я ничего не могу вамъ сообщить особеннаго о моихъ отношеніяхъ къ Сперанскому, кромѣ обыкновенныхъ свѣтскихъ отношеній.

Онъ. Но вы рассказывали кому то о вашемъ разговорѣ съ Сперанскимъ. Вы даже совѣтовались съ нимъ о будущей конституціи Россіи.

Я. Это несправедливо генераль, Его Величество ввели въ заблужденіе.

Онъ. Я опять долженъ вамъ напомнить, что вамъ нечего бояться за Сперанскаго. Самъ Государь увѣряетъ васъ въ этомъ, а вы обязаны ему большою благодарностью, вы не можете себя представить, что онъ дѣлаетъ для васъ. Опять говорю вамъ, что онъ преступаетъ, относительно васъ, все божескіе и человѣческіе законы. Государь хочетъ, чтобъ вы вашей откровенностью доказали ему свою признательность.

Я. Мнѣ бы очень хотѣлось доказать мою признательность всеѣмъ что только находится въ моей власти; но не могу же я клеветать, на кого бы то

de dire a l'Empereur, que je lui ai parlé d'une prétendue conversation avec M-r Speransky, en a menti, et je le prouverai en face à cette personne. Que l'Empereur veuille bien me faire donner une couffrontation avec cette personne, et je lui prouverai qu'elle en a menti.

Онъ. С'est impossible. On ne peut pas vous donner une couffrontation avec elle.

Я. Gi vous voulez me la nommer, Général, je vous prouverai, qu'elle en a menti.

Онъ. Je ne puis vous nommer personne,—tâchez de vous en rappeler vous même.

Я. Il est impossible, Général, que je me rappelle avoir dit à quelqu'un quelque chose, que je n'ai jamais dit!

Въ этомъ родѣ разговоръ продолжался еще долгое время, сначала по французски, потомъ по русски: генераль Бенкендорфъ стараясь меня уговорить рассказать мой разговоръ съ Сперанскимъ, а я требуя очной ставки съ доносчикомъ. Наконецъ, онъ ушелъ, потребовавъ отъ меня, чтобы я написалъ сей же часъ къ нему все что я знаю о Сперанскомъ и сказалъ мнѣ, что онъ будетъ ожи-

ни было; не могу же я говорить то, чего никогда не случилось. Государь не можетъ надѣяться, чтобы я выдумалъ разговоръ, котораго вовсе не происходило. Да если-бы я и былъ достаточно слабъ для этого, надо еще доказать что я имѣлъ этотъ разговоръ.

Онъ. Да вы рассказали кому-то объ немъ.

Я. Нѣтъ генераль, я не могъ рассказывать разговоръ, котораго не было.

Онъ. Государь знаетъ, что вы рассказали его одному лицу, и онъ узналъ объ немъ именно отъ этого лица.

Я. Могу васъ увѣрить, генераль, что это лицо солгало Государю.

Онъ. Берегитесь, князь Трубецкой, вы знаете, что вы находитесь между жизнью и смертью.

Я. Знаю, но не могу же я сказать ложь и я долженъ повторить вамъ, что лицо, имѣвшее дерзость сообщить Государю о какомъ то разговорѣ моемъ съ Сперанскимъ, солгало, и я докажу, это на очной ставкѣ. Пусть Государь сведетъ меня съ этимъ лицомъ и я докажу, что оно солгало.

Онъ. Это невозможно, вамъ нельзя дать очную ставку съ этимъ лицомъ.

Я. Назовите мнѣ его и я докажу, что оно солгало.

Онъ. Я не могу никого называть; вспомните сами.

Я. Совершенно невозможно, генераль, вспомнить о разговорѣ, котораго никогда не было.

дать моего письма въ крѣпости. По уходѣ его отъ меня, я думалъ, что напишу; наконецъ рѣшился написать разговоръ о Сперанскомъ, Магницкомъ и Барановѣ, который былъ у меня съ Батенковымъ и Рылѣевымъ и, запечатавъ, отправилъ тутъ же въ собственныя руки Бенкендорфа.

Этотъ разговоръ я рассказалъ послѣ исповѣди священнику, который въ свою очередь рассказалъ мнѣ, что 29 или 30 числа марта возили полковника Батенкова во дворецъ. Долго думавъ о томъ, кто бы могъ сказать такую вещь Императору, онъ наконецъ увѣрялъ меня, что это не изъ крѣпости вынесено, но что навѣрно, кто сказалъ, тотъ внѣ крѣпости. Тогда я подумалъ, что это должно быть генералъ Сергѣй Шиповъ, къ которому теперь долженъ обратиться.

По смерти Императора Александра, я поѣхалъ къ Шипову и мы вдвоемъ разговаривали о тогдашнихъ обстоятельствахъ. Онъ сожалѣлъ, что брата его не было въ городѣ, который со 2-мъ Преображенскимъ баталіономъ стоялъ внѣ города, какъ и всѣ 2-ые баталіоны гвардейскихъ полковъ. Сергѣй Шиповъ говорилъ, что желаетъ устроить такъ, чтобы можно было намъ втроемъ поговорить. Черезъ нѣсколько дней я поѣхалъ къ нему опять. Мнѣ казалось, что онъ хочетъ избѣжать разговора, потому что онъ просилъ меня прослушать его проектъ о фурштатскихъ баталіонахъ. Я скоро прекратилъ чтеніе огромной тетради, сказавъ ему, что можемъ заняться важнѣйшимъ и поговорить о предметахъ, которые теперь ближе касаются насъ. Онъ положилъ свою тетрадь и мы снова стали говорить о тогдашнихъ обстоятельствахъ и дѣлать различныя предположенія о будущемъ Императорѣ. Наконецъ онъ сказалъ: «большое несчастіе будетъ, если Константинъ будетъ Императоромъ».

Я. Почему ты такъ судишь?

Онъ. Онъ варваръ.

Я. Но Николай человѣкъ жестокой.

Онъ. Какая разница. Этотъ человѣкъ просвѣщенный, а тотъ варваръ.

Я. Константинъ теперь не молодъ. Съ тѣхъ, какъ онъ въ Варшавѣ, онъ ведетъ себя совсѣмъ иначе, нежели велъ себя въ Петербургѣ. Говорятъ жена его очень смягчила его нравъ и, почти совсѣмъ его перемѣнила.

Онъ. Нѣтъ, какъ можно сравнить его съ Николаемъ. Этотъ человѣкъ просвѣщенный, европейской, а тотъ злой варваръ.

Я. Ты, можетъ быть, ближе знаешь Николая, нежели я и можешь лучше о немъ судить. Я вижу, что Константину солдаты присягнули съ готовностью, можетъ быть отъ того, что они его не знаютъ. Десять лѣтъ онъ въ отсутствіи, а меньшихъ братьевъ они ненавидятъ и очень худо объ нихъ относятся. Если Константинъ откажется отъ престола, то трудно будетъ заставить солдатъ присягнуть Николаю. Ты можешь самъ судить по тому, что было во внутреннемъ караулѣ въ день присяги. У насъ это новое, чтобъ Императоръ, которому присягнули, отказался отъ престола. Какимъ образомъ заставить повѣрить солдатъ такому небывалому примѣру? Особенно, если Константинъ не прійдетъ и лично не объявитъ солдатамъ, что онъ передаетъ престолъ меньшому брату, то я не знаю, что изъ этого будетъ?

Онъ. Я отвѣчаю за свой полкъ, я могу заставить своихъ солдатъ присягнуть кому хочу.

Я. Изъ всѣхъ полковыхъ командировъ, ты вѣрно одинъ можешь это сказать; къ прочимъ, кажется, люди не имѣютъ такой довѣренности.

Онъ. Меня солдаты послушаютъ. Я первый узнаю,

если Константинъ откажется, мнѣ тотчасъ пришлютъ сказать изъ Аничковскаго дворца. Я тотчасъ приведу свой полкъ къ присягѣ; я отвѣчалъ за него, я далъ слово.

Я. Но можешь ли ты знать, что тебѣ скажутъ истину. Кажется, что очень желаютъ царствовать и, въ такомъ случаѣ развѣ не могутъ прислать тебѣ сказать, что Константинъ отказался, и обмануть тебя. Ты приведешь полкъ къ присягѣ, а окажется, что Константинъ не отказался. Что ты будешь тогда дѣлать? Ты несешь свою голову на плаху. Эти слова поразили Шипова. Онъ отскочилъ отъ меня, потомъ спросилъ: «Трубецкой. Что же дѣлать?»

Я продолжалъ: «Если даже Константинъ и откажется, то можемъ ли мы полагать, что все спокойно кончится? Ненависть солдатъ, дурное мнѣніе, которое вообще всѣ имѣютъ о Николаѣ, развѣ не можетъ возродить сопротивленія и не отъ однихъ солдатъ?»

Онъ. А развѣ есть что? Развѣ говорятъ о чемъ?

Я. Я не знаю, но все можетъ быть.

Онъ. Трубецкой, у тебя много знакомыхъ. Ты многихъ знаешь въ Совѣтѣ и въ Сенатѣ; если есть что, если о чемъ поговариваютъ въ Совѣтѣ, то пожалуйста увѣдомляй меня.

Изъ продолжавшагося разговора я видѣлъ, что Шиповъ передавался совсѣмъ на сторону Николая и не съ тѣмъ требуетъ свѣдѣній, чтобы дѣйствовать на нашихъ видахъ. Это для насъ была большая потеря, потому, что Шиповъ былъ всегда членомъ, на котораго полагались и очень друженъ съ Пестелемъ. Онъ былъ полковой командиръ и не только, по словамъ его, но и по слухамъ, былъ любимъ въ полку. И хотя, быть можетъ, слишкомъ много приписывалъ себѣ власти на своихъ подчиненныхъ, но безъ сомнѣнія, могъ имѣть довольно вліянія на умы ихъ и, слѣдовательно сдѣлать большой перевѣсъ на ту сторону, которую приметъ.

Долго я думалъ о разговорѣ съ Бенкендорфомъ. Необычайная милость, объявленная имъ мнѣ отъ Императора, приводила меня въ недоумѣніе. Неужели я такъ ошибся въ его нравѣ, говорилъ я самъ себѣ, полагая его человѣкомъ жестокимъ, не имѣющимъ ни доброты сердечной, ни великодушія, желающимъ власти, единственно для удовлетворенія своему властолюбію нисколько не для того чтобы имѣть возможность устроить благо подданныхъ и владѣть сердцами ихъ посредствомъ кротости и милосердія. Грубо, очень грубо ошибся я въ немъ, даже и тогда, если милосердіе, которое онъ оказать хочетъ намъ, пристекаетъ болѣе изъ ума нежели изъ сердца. Что долженъ я заключить для себя изъ сказаннаго Бенкендорфомъ? Что меня и всѣхъ задержанныхъ выпустятъ по окончаніи слѣдствія, всѣхъ возстановятъ въ прежнихъ званіяхъ и достоинствахъ? А я думалъ, что меня запрутъ и я никогда не вырвусь изъ Алексѣевского рavelина. Когда меня водили въ комитетъ къ коменданту, или въ баню, я всегда разсматривалъ и изыскивалъ средства уйти, если опредѣлено будетъ мнѣ вѣчно здѣсь заключеніе. Тяжела мысль быть вѣчно обязаннымъ благодарностью человѣку, о которомъ я имѣлъ такое худое мнѣніе. А если онъ будетъ въ разсужденіи меня такъ великодушень, каковымъ представлялъ его Бенкендорфъ, то я обязанъ буду посвящать ему всѣ остальные дни моей жизни. Эта мысль бродила нѣкоторое время въ головѣ моей и тревожила меня; наконецъ я успокоился, убѣдивъ себя, что дѣло не быточное, чтобъ все такъ легко могло кончиться, какъ казалось изъ рѣчей Бенкендорфа.

На 6-й недѣлѣ поста, не помню въ какой день, а, кажется въ четвергъ, приходитъ за мной плацъ-адъютантъ въ необычайное время, скоро послѣ обѣда и приноситъ мой мундиръ, приглашаетъ меня одѣться съ видомъ ка-

кимъ то пріятнымъ ¹⁾, какъ бы для предваренія моего, что выходъ мой не принесетъ мнѣ ничего кромѣ удовольствія, и ведетъ меня въ домъ коменданта. Вхожу въ комнату и въ объятія мои бросается сестра. Она нѣсколько дней уже имѣла позволеніе видѣть меня, но ледъ на Невѣ препятствовалъ переѣхать въ крѣпость. Нынѣ это было возможно и она воспользовалась позволеніемъ, выпрошеннымъ ею лично, когда откланивалась Императрицѣ, намѣреваясь отъѣхать въ Москву. Сестра рада была меня видѣть, между тѣмъ была грустна, хотя старалась скрывать грусть свою подъ улыбкою. Разговоръ нашъ не могъ быть свободенъ, потому что комендантъ, генераль Сукинъ, во все время сидѣлъ возлѣ насъ за столомъ, на которомъ угощалъ насъ чаемъ. Нѣсколько разъ за нимъ приходили, но онъ отлучаться не хотѣлъ. Наконецъ доложили ему, что пріѣхалъ отъ Государя генераль-адъютантъ, кажется Левашевъ, онъ и тогда сказалъ, что ему не время. Пріѣхавшій генераль пошелъ ходить по крѣпости, потомъ возвратился и опять требовалъ свиданія. Сукинъ велѣлъ его позвать и, самъ дойдя до дверей комнаты, сказалъ ему одно слово, поспѣшилъ на своей деревяшкѣ возвратиться къ занимаемому имъ мѣсту. Сестра только успѣла въ это время спросить меня замѣшанъ ли я въ покушеніи на жизнь Императора? Я отвѣчалъ, что нѣтъ, но, что кажется есть намѣреніе меня замѣшать. Она отерла слезу, но сказать болѣе ничего не могла, потому что комендантъ сидѣлъ уже на своемъ мѣстѣ, прежде нежели я договорилъ отвѣтъ.

Я послѣ узналъ отъ жены моей, что ему велѣно было

¹⁾ За нѣсколько дней до того, этотъ же плацъ-адъютантъ принесъ мнѣ кусочекъ просфорки отъ имени моей сестры. Когда я развернулъ, ее онъ наклонился и съ большимъ вниманіемъ искалъ долго на полу. Съ удивленіемъ я увидѣлъ, что онъ такъ старательно отыскивалъ булавку, которой была заколота бумажка.

записать и представить весь нашъ разговоръ. Сестра это знала и потому не смѣла говорить того, что-бы хотѣла. Пришло время разстаться намъ и со стороны сестры не обошлось безъ слезъ; мнѣ также было грустно. Мы не надѣялись больше видѣться, — она черезъ нѣсколько дней уѣхала въ Москву. Я тогда не зналъ, что добрая сестра моя выпросила еще обѣщаніе свиданія со мною женѣ моей.

Нѣсколько дней я провелъ довольно спокойно въ казематѣ, вспоминая свиданіе съ сестрою. На страстной недѣлѣ, въ два различные дня, я имѣлъ еще удовольствіе получить вопросные пункты такого рода, отвѣты на кои должны были служить къ облегченію судьбы тѣхъ лицъ, кого они касались. Такой случай представлялся въ первый разъ, и слѣдовательно былъ для меня очень отраденъ. Въ одномъ вопросѣ спрашивали, почему я просилъ Рылѣва, чтобы не сообщалъ онъ полковнику Глинкѣ о нашихъ намѣреніяхъ? Въ другомъ, что князь Оболенскій ссылается на меня, что когда въ 1823 году пріѣзжалъ Пестель въ Петербургъ и своими разсужденіями увлекъ его къ признанію необходимости республиканскаго правленія въ Россіи, то я отвратилъ его отъ этихъ мыслей, доказавъ ему, что республику, не иначе, можно учредить, какъ истребленіемъ Императорскаго дома, чрезъ какое дѣйствіе общество неминуемо поселило бы къ себѣ омерзене и привело бы въ ужасъ весь народъ.

Въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ, я имѣлъ неожиданное счастье обнять мою жену. Я не зналъ, что сестрѣ моей было обѣщано позволеніе женѣ увидѣться со мною. Не легко изобразить чувства наши при этомъ свиданіи. Казалось всѣ несчастія были забыты, всѣ лишенія, всѣ страданія, всѣ безпокойства исчезли. Добрый, вѣрный другъ мой она ожидала съ твердостью всего худшаго для меня,

но давно уже рѣшилась, если только я останусь живъ, раздѣлить участь мою со мной и не показала ни малѣйшей слабости. Она молилась, чтобы Богъ сохранилъ мою жизнь и далъ мнѣ силы перенести съ твердостью теперешнее и будущее положеніе мое. Наше свиданіе было подобно свиданію моему съ сестрой, въ присутствіи коменданта, который какъ будто бы для того, чтобы дать намъ болѣе свободы, притворился спящимъ въ своихъ креслахъ. До сихъ поръ я не имѣлъ никакой надежды увидѣть когда-нибудь жену мою, но это свиданіе заставило меня надѣяться, что мы опять будемъ когда нибудь вмѣстѣ и потому можетъ быть часъ разлуки не такъ показался мнѣ тягостенъ, какъ должно было ожидать. Воспоминаніе о проведенныхъ вмѣстѣ часахъ сладостно занимало меня многіе дни. Я благодарилъ Бога отъ глубины души за то, что Онъ, милостью Своею, такъ поддерживалъ ее и въ чувствахъ внутреннихъ и въ наружномъ видѣ. Ничего отчаяннаго, убитаго не было ни въ лицѣ, ни въ одеждѣ, во всемъ соблюдено пристойное достоинство. Видъ ея и разговоръ съ нею укрѣпилъ во мнѣ упованіе въ Бога и я, съ тѣхъ поръ совершенно покорился волѣ провидѣнія, предавшись всеѣми моими чувствами съ полною покорностью всему, что Ему угодно будетъ мнѣ послать въ будущности. Спокойствіе мое было прервано; 8-го мая призывали меня по утру къ допросу. Я нашелъ одного Чернышева и Адлерберга, который по обыкновенію рисовалъ и чертилъ на листѣ, предъ нимъ лежащемъ. Чернышевъ съ язвительною, показалось мнѣ, улыбкою, объявилъ мнѣ, что отвѣты мои на большой допросъ, посланный мнѣ въ февралѣ, казавшіеся подробными и удовлетворительными, оказались пустыми, (т. е. комитетъ былъ ими недоволенъ, потому что они никого не запутывали). Онъ мнѣ сдѣлалъ много вопросовъ, по большей части вздорныхъ. Если это было

съ показаній нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, то должно быть такихъ, которые не имѣли со мной никакого знакомства и знали меня только по дальнимъ слухамъ; такъ оно дѣйствительно и было. Нѣкоторые слухи, которые были обо мнѣ въ обществѣ славянъ, вовсе не бывшемъ мнѣ извѣстнымъ, и о существованіи котораго я не имѣлъ никакого свѣдѣнія, были предложены мнѣ, какъ показанія членовъ, и ни въ чемъ не было не только истины, но и тѣни справедливости. Несмотря на то, отъ меня потребовали письменныхъ отвѣтовъ, которые я и далъ, получивъ на другой день письменные вопросы, изъ которыхъ однакоже многіе, сдѣланные мнѣ словесно, были исключены. Напирали однакоже на намѣреніе царевубійства. Въ этомъ случаѣ я сослался на записку мою, которую въ ночь съ 14-го на 15-е, я видѣлъ въ рукахъ Императора и изъ которой ясно было видно какія были мои намѣренія. Въ ней ничего похожаго на такой умыселъ не было, напротивъ опредѣлено было вступить въ переговоры съ Николаемъ Павловичемъ и вступленіе на престолъ подвергнуть рѣшенію общаго собранія довѣренныхъ людей всѣхъ словій государства, собранныхъ призывомъ Сената. Слѣдовательно, мы не принимали на себя никакой власти.

До сихъ поръ я не имѣлъ ни съ кѣмъ очныхъ ставокъ. Наконецъ меня позвали и я увидѣлъ себя предъ Бригеномъ, котораго полагалъ за границей. Меня спрашивали до того, отъ кого я слышалъ о ненависти къ покойному Государю Якубовича и о намѣреніи его принести жизнь его въ жертву этому чувству, основанному на личномъ мщеніи. Я имѣлъ неосторожность отвѣчать, что отъ полковника Бригена. Меня заставили это при немъ повторить и вѣроятно это было причиною осужденія его на одинъ годъ каторжной работы. Изъ словъ Бригена я увидѣлъ, что ему ставятъ въ вину познаніе этого обстоя-

тельства, но мнѣ уже нельзя было отпереться, потому что не мнѣ одному было извѣстно, что Бригенъ это разсказывалъ. Съ лейтенантомъ Арбузовымъ я былъ счастливѣе. Въ допросѣ о немъ, вырвались у меня его слова: «если будутъ въ насъ стрѣлять, то мы пушки отобьемъ». Наученный примѣромъ бывшаго съ Бригеномъ, я отказался отъ этого показанія, объявивъ, что если я показалъ это на Арбузова, то это неправда. Арбузовъ говорилъ мнѣ послѣ, что слышалъ мои слова, потому что ожидалъ возлѣ въ комнатѣ очной ставки со мною.

Въ день Преполовенія меня повели по утру дорогою очень кружной въ нижнюю комнату комендантскаго дома, гдѣ я просидѣлъ до вечера въ ожиданіи, но отпустили, не давъ ни съ кѣмъ очной ставки. Съ этого дня пошло въ комитетѣ очищеніе очными ставками всѣхъ сомнительныхъ пунктовъ и я имѣлъ очную ставку съ Рылѣевымъ, по многимъ пунктамъ, по которымъ показанія наши были не сходны. Между прочимъ были такія, въ которыхъ дѣло шло объ общемъ дѣйствіи и, когда я не призналъ разсказъ Рылѣева справедливымъ, то онъ далъ мнѣ почувствовать, что я выгораживая себя, сваливаю на него. Разумѣется, мой отвѣтъ былъ, что я, не только ничего своего не хочу свалить на него, но, что я соглашаюсь заранее, со всѣмъ тѣмъ, что онъ скажетъ о моемъ дѣйствіи и что я, на свой счетъ ничего не скрылъ и болѣе сказалъ, нежели онъ можетъ сказать. Видъ Рылѣева сдѣлалъ на меня печальное впечатлѣніе, онъ былъ блѣденъ чрезвычайно и очень похудѣлъ, вѣроятно мой видъ сдѣлалъ на него подобное же впечатлѣніе. Но его видъ, такъ поразилъ меня, что я сдѣлалъ то, чего бы не долженъ былъ, а именно: я, по нѣкоторомъ оспариваніи показаній его мнѣнія о другихъ лицахъ, не сталъ упорствовать и согласился, что онъ говорилъ то, чего я отъ него

не слыхалъ, какъ и теперь въ томъ увѣренъ и что, можетъ быть, подвергло строжайшему осужденію эти лица. По соглашеніи предмета, по которому была у насъ очная ставка, князь А. Н. Голицынъ вступилъ съ Рылѣевымъ и со мною въ частный разговоръ и продолжалъ его нѣкоторое время въ такомъ тонѣ, какъ будто бы мы были въ гостинной, даже съ пріятнымъ видомъ и улыбкой такъ что, вопреки всѣмъ дотошъ бывшимъ убѣжденіямъ, пришла мнѣ мысль, что вѣроятно князю Голицыну извѣстно, что дѣло наше не такъ худо кончится, что религіозный человѣкъ, какимъ онъ издавна почитался, не могъ бы такъ весело разговаривать и почти шутить съ людьми, обреченными на смерть. Разговоръ же князя Голицына касался различныхъ предположеній Рылѣева, Пестеля, моихъ относительно временнаго правленія въ случаѣ, если бы попытка наша удалась. Онъ разбиралъ эти различныя предположенія, говорилъ о Сперанскомъ, Мордвиновѣ, Ермоловѣ, какъ о лицахъ, которыхъ мы предполагали облечь временною верховною властью. Разсуждалъ о составѣ Пестелевой директоріи, шутилъ, что Пестель находя, что образъ моихъ мыслей не сходенъ съ его, не хотѣлъ имѣть меня членомъ своей директоріи и оттого назначилъ мнѣ министерство внутреннихъ дѣлъ, а Сергѣю Шипову министерство военныхъ силъ, и спрашивая насъ по этимъ предметамъ разсуждалъ о лучшемъ, по его мнѣнію, составѣ временной верховной власти, о различныхъ мѣрахъ, которыми могла быть установлена конституція и развивалъ сужденія свои объ этихъ предметахъ,—словомъ, онъ меня удивилъ несказанно. Я долго разсуждалъ о неизъяснимомъ для меня поведеніи князя Голицына и старался объяснить его себѣ. Между тѣмъ Рылѣевъ имѣлъ свиданіе съ женою и послѣ того, имѣлъ случай увѣдомить меня о томъ запиской и сообщить мнѣ, что жена его сама лично

выпросила у Императора свиданіе съ мужемъ и просила ему помилованіе, получила соизволеніе на первую просьбу, а на вторую была успокоена словами: «никто не будетъ обиженъ». Потомъ опять чрезъ нѣсколько дней, Рылѣевъ сообщилъ мнѣ, что многія лица, особенно изъ сенаторовъ, требуютъ нашего осужденія, но что Сперанскій и Кочубей настаиваютъ у Императора на милости, къ которой онъ очень склоненъ. Я не очень всѣмъ надеждамъ, которыя казалось, Рылѣевъ имѣеть, довѣрялъ; но стали вкрадываться опять сомнѣнія во мнѣ, что я можетъ быть очень несправедливъ противъ Николая Павловича, полагая его человѣкомъ жестокимъ.

Послѣдній запросъ, который былъ мнѣ принесенъ изъ Комитета былъ слѣдующій: въ 1820 году когда Пестель пріѣзжалъ въ Петербургъ, то многія собранія были у полковника Сергѣя Шипова и полковника Глинки и на нихъ разсуждали объ образѣ правленія, который предполагается учредить въ Россіи, — всѣ единогласно исключая полковника Глинки, согласились въ томъ, что правленію слѣдуетъ быть республиканскому, при чемъ Н. Тургеневъ сказалъ: «un président sans phrases». Меня спрашивали точно ли сказалъ это Тургеневъ? Мнѣ легко было отвѣтить, что я былъ заграницей и не могъ знать происшедшаго въ то время. Вѣроятно отвѣты мои, каковы бы не были, ни въ какомъ случаѣ не измѣнили бы моего приговора. Я всегда былъ увѣренъ, что онъ изреченъ заранѣе и, кажется въ томъ не ошибся. Слова сказанные мнѣ самимъ Императоромъ въ томъ меня убѣдили. Но я думаю, что я не долженъ былъ допустить этой мысли овладѣть столько мною, чтобы заставить меня съ нѣкоторою безпечностью отвѣчать на несправедливыя обвиненія. Въ послѣднюю половину моего заключенія въ рavelинѣ я совершенно покорился волѣ Провидѣнія и, въ твердомъ

упованіи на Бога разсуждалъ, что я себя своею защитою не спасу и чѣмъ будетъ она слабѣе, тѣмъ милость Господня въ случаѣ моего спасенія, явится яснѣе. Эта мысль почти всегда владѣла мною, когда я долженъ былъ писать отвѣты. Подъ вліяніемъ ея, я теперь отвѣчалъ только на сдѣланный мнѣ вопросъ касательно другого лица и не хотѣлъ опровергать несправедливости, которая была уже какъ было видно изъ смысла бумаги принята какъ дѣло рѣшенное, но на счетъ котораго отъ меня не требовалось и прежде никакого свѣдѣнія, такъ что я удивился увидѣвъ, что я признанъ въ томъ виновнымъ. Рылѣевъ узнавъ, что я получалъ запросъ, прислалъ меня спросить, о чемъ дѣло? Я его увѣдомилъ и онъ отвѣчалъ, что оно ему извѣстно.

Наконецъ началъ проникать ко мнѣ въ тюрьму слухъ, что дѣло наше не кончится комитетомъ, но что насъ будутъ судить въ Сенатѣ. Солдаты между тѣмъ, стерегшіе насъ, увѣряли, что все хорошо для насъ кончится, что въ бывшемъ 14 декабря происшествіи самъ Императоръ съ главными лицами виновать, и ему нельзя насъ наказать.

5-го іюля подали мнѣ мой мундиръ и повели въ коммандантскій домъ. Въ комнатѣ, въ которую ввели меня я нашелъ новыя лица, сидѣвшія за круглымъ столомъ. Посрединѣ графъ Головкинъ, по правую его руку князь С. Н. Салтыковъ, а передъ нимъ лежала толстая связка бумагъ, по лѣвую руку графа сенаторъ Барановъ и Бенкендорфъ немного отъ всѣхъ поодаль. Сенаторъ Барановъ спросилъ меня: «отвѣты писанные вами въ Комитетъ всѣ ли писаны собственною вашею рукою»? Князь Салтыковъ молча показалъ на кипу предъ нимъ лежавшую. Я отвѣчалъ, что я свои отвѣты, всѣ писалъ самъ своею рукою.

Барановъ. Итакъ, не угодно ли вамъ будетъ это подписать.

Написали записочку, которую подалъ мнѣ Бенкендорфъ, съ особенною учтивостью, всталъ и принесъ мнѣ стулъ. Я сѣлъ и подписалъ поданную записку, которая заключала сказанный мною отвѣтъ и меня тотчасъ отпустили. Нѣкоторые лица изъ подсудимыхъ объявили, что отвѣты ихъ были вынуждены насильственными мѣрами, голодомъ, заковываніемъ въ желѣзо и т. п. Посланъ былъ къ нимъ священникъ упрощивать ихъ, чтобъ они взяли назадъ это показаніе и онъ успѣлъ въ этомъ.

Послѣ этого дня я оставался въ ожиданіи суда, какъ вдругъ 10-го числа пришли за мной рано по утру и повели меня въ комендантскій домъ. Я нашелъ его наполненнымъ часовыми, а въ комнатѣ, въ которую меня ввели, Артамона Муравьева и князя Барятинскаго. Я удивился увидя себя въ ихъ обществѣ ибо полагалъ, что ничего не имѣю съ ними общаго, за мной вслѣдъ вошли два брата Борисовыхъ, которыхъ я ни лицъ, ни именъ, ни участія не зналъ. Удивленіе мое возросло. Муравьевъ, какъ скоро увидѣлъ меня сказалъ мнѣ: «какъ я счастливъ, что я съ тобою».

Я. А я нисколько не радуюсь твоему счастью.

Муравьевъ. Это значить, что моя судьба лучше, нежели я ожидалъ.

Я. А я думаю, что ты жестоко ошибаешься.

Муравьевъ. Нѣтъ, и я тебѣ скажу почему. Государь писалъ къ твоей женѣ, что онъ участь твою облегчить. Я знаю отъ жены, которая получила, еще будучи въ Ахтыркѣ, письмо отъ графини Самойловой, которая ей это писала.

Я. Я не вѣрю, чтобъ это была правда.

Муравьевъ. Я тебя увѣряю, что это точно было.

Тутъ я спросилъ Муравьева, кто были тѣ лица, о которыхъ я не имѣлъ никакого понятія. Онъ отвѣчалъ, что

не знаетъ. Барятинскій сказалъ мнѣ послѣ, что Борисовы, но это мнѣ ничего не разъяснило. Я дивился, что я не вижу никого изъ тѣхъ, съ которыми ожидалъ быть. Наконецъ пришелъ князь Оболенскій и я увидѣлъ, что комната возлѣ насъ наполнилась разными мундирами. Между тѣмъ въ нашу вошли еще лица мнѣ не извѣстные, но ни Рылѣва, ни Пестеля не было.

Вдругъ входитъ священникъ, я къ нему подошелъ, онъ меня отвелъ къ окошку. Я его спросилъ, что все это значить? Онъ отвѣчалъ, что намъ будутъ читать приговоръ и что мы осуждены на работу. Я изъяснилъ ему удивленіе, что не вижу Рылѣва, Пестеля и другихъ, кромѣ Оболенскаго. Онъ сказалъ: «не пугайтесь того, что я вамъ скажу. Они будутъ приговорены къ смертной казни и даже ихъ поведутъ, но они будутъ помилованы. Я хотѣлъ васъ предупредить».

Меня обступили хотѣли знать, что сказалъ ушедшій священникъ. Между тѣмъ, всѣ назначенные въ эту комнату собрались. Это были кромѣ меня и пятерыхъ вышепоименованныхъ, еще майоръ Спиридовъ, Бечасный, Якушкинъ, Якубовичъ и Вадковскій. Спустя нѣкоторое время насъ повели и я, къ удивленію своему увидѣлъ себя поставленнымъ предъ многочисленнымъ собраніемъ важнѣйшихъ государственныхъ чиновъ. Въ большомъ залѣ комендантскаго дома былъ поставленъ покоемъ огромный столъ. За нимъ сидѣли члены совѣта, сенаторы, митрополиты и разные первыхъ чиновъ люди, не принадлежавшіе къ симъ государственнымъ мѣстамъ. Всѣмъ не достало мѣста за столомъ, многіе были сзади въ глубинѣ комнаты. Торжественно прочли каждому изъ насъ, начиная съ меня сентенцію Верховнаго Уголовнаго Суда, (такъ названнаго). Всѣ мы были приговорены имъ къ отсѣченію головы, которая казнь, Императоромъ уменьшена и замѣнена

осужденіемъ вѣчно на каторжную работу. Мнѣ суждено было переходить отъ удивленія къ удивленію. Я не зналъ, что есть судъ надо мною, теперь узналъ, что онъ уже осудилъ меня. Я думалъ, что если будутъ судить меня то или особой комиссіей, или въ сенатѣ, теперь узналъ, что установленъ для этого Верховный Уголовный Судъ изъ синода, совѣта, сената и присоединенныхъ къ нимъ различныхъ особъ. Я думалъ, что меня осудятъ за участіе въ бунтѣ, меня осудили за цареубійство. Я готовъ былъ спросить какого царя я убилъ, или хотѣлъ убить?

Насъ отвели уже не въ тѣ казематы, гдѣ мы прежде сидѣли, но въ Кронверкскую куртину. Мнѣ достался номеръ 23-й, пять шаговъ въ длину и три въ ширину. Во всю длину проходила сквозь окно надъ головами, желѣзная труба изъ печи, стоявшей въ глубинѣ каземата, отъ котораго былъ отгороженъ мой номеръ. Скоро услышалъ я вокругъ себя человѣческіе голоса и нѣкоторые знакомые, потомъ изъ за перегородки возлѣ меня вопросы сосѣда, желавшаго знать, кто въ его сосѣдствѣ? Я не могу выразить какое чувство радости овладѣло мною, при этомъ слухѣ и отъ того, что я наконецъ могу разговаривать съ подобными себѣ. Я узналъ, что сосѣдъ мой Веденяпинъ, приговоренный на поселеніе въ Сибирь. Мы разговаривали до глубокой ночи. Надобно однакоже было лечь спать, но я не могъ имѣть отдыха: крупныя блохи заѣли меня и только въ 4-мъ часу, отъ сильной усталости, я могъ заснуть ненадолго. Насъ разбудили, велѣли одѣваться. Мы слышали шумъ у нашихъ оконъ, звукъ цѣпей, людей проходящихъ. Послѣ узнали, что это были пять нашихъ товарищей, осужденныхъ на смерть, которыхъ заранѣе вывели къ приготовлявшейся для нихъ вѣселицѣ. Сосѣдъ мой предостерегалъ меня, чтобы я не надѣвалъ орденовъ и не застегивалъ мундирнаго воротника на крючки, по-

тому что онъ узналъ отъ служителя, что ихъ будутъ съ насъ срывать. Я не хотѣлъ послѣдовать его совѣту. Когда разсвѣло насъ вывели и поставили посреди солдатъ Павловскаго полка, которые окружили со всѣхъ сторонъ. Здѣсь я увидѣлъ многихъ кого не ожидалъ: Александра Николаевича Муравьева, Лунина, фонъ-Визина, Краснокутскаго и другихъ. Послѣдній сказалъ мнѣ: «вѣроятно тебя много спрашивали обо мнѣ, потому что я во всемъ на тебя ссылался»? Ни въ одной бумагѣ, ниже словесно меня объ немъ никто не спрашивалъ; и я полагалъ, что онъ даже не арестованъ; помина объ немъ не было, равно какъ и о другихъ вышешоименованныхъ. Когда свели насъ всѣхъ вмѣстѣ, то начали выкликать для раздѣленія по роду службы. Я былъ поставленъ самъ семь и мы семеро были проведены предъ знамена Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Послѣ барабаннаго боя, намъ прочли вновь сентенцію и профосъ началъ ломать надъ моею головою шпагу (мнѣ прежде велѣно было встать на колѣни). Во весь опоръ прискакалъ генераль и кричалъ: «что дѣлаете»? Съ меня забыли сорвать мундиръ. Подскакавшій былъ Шиповъ. Я обратился къ нему и видъ мой произвелъ на него дѣйствіе Медузиной головы. Онъ замолчалъ и стремглавъ ускакалъ. Видъ знаменъ того полка, въ которомъ я нѣкогда служилъ, возбудилъ во мнѣ воспоминанія моей службы въ немъ, Кульма, за который даны были знамена; я ихъ видѣлъ въ рукахъ людей, неимѣвшихъ на нихъ права, тогда какъ заслужившіе были въ гоненіи и разсѣяны по всей арміи. Эта мысль возбудила во мнѣ сильное чувство негодованія. Довольно труда стоило профосу сорвать съ меня мундиръ, онъ такъ хорошо былъ застегнутъ; должно было изорвать въ клочки. Шпагу также не подпилили и ломая ее, довольно больно ушибли мнѣ голову. Всѣ наши доспѣхи сложены были въ костры, и зажжены, а насъ

одѣли въ полосатые халаты и отвели обратно въ казематы. Мы замѣтили столбы на валу одного бастіона кронверка, это была вѣсила, но которая еще не имѣла перекладины и въ нашемъ отдѣленіи казни товарищей мы видѣть не могли, ибо прежде вошли въ крѣпость. Народу было немного. Уже въ своемъ номерѣ, я узналъ отъ сосѣда своего, что нашихъ товарищей повѣсили, о чемъ онъ узналъ отъ прислуживавшаго унтеръ-офицера. Я вѣрить не хотѣлъ, но пришедшій священникъ подтвердилъ эту вѣсть. Рассказывалъ о ихъ смерти, которая его тронула до глубины души. Онъ теперь и послѣ не могъ говорить о нихъ безъ глубокаго умиленія. Особенно о Рылѣевѣ, Муравьевѣ и Пестелѣ, послѣдній просилъ его благословенія, хотя и былъ другого исповѣданія. У двухъ первыхъ оборвались веревки и Чернышевъ закричалъ, чтобъ скорѣе повторили надъ ними казнь. Священникъ сказывалъ мнѣ, что онъ ежеминутно ожидалъ гонца о помилованіи, и къ крайнему своему удивленію тщетно. Мысль о казни товарищей заставила меня забыть свое положеніе, и я ни о чемъ иномъ не могъ думать. Принесли мнѣ письмо отъ жены, которая увѣдомляла меня, что она вслѣдъ за мной, ѣдетъ въ Сибирь. Тогда я понялъ многое, что мнѣ темно было въ ея письмахъ. Она давно къ тому готовилась, но страшилась чтобъ я не былъ осужденъ на смерть. Она знала, что многіе требовали моей казни и нѣсколькихъ другихъ за мною слѣдовавшихъ. Говорятъ, что Николай Павловичъ не согласился на нее; можетъ быть онъ хотѣлъ сдержать то, что заставилъ меня именемъ своимъ написать къ женѣ моей: «что я буду живъ» ¹⁾. На слѣдующій день, т. е. въ четвергъ, духовникъ пришелъ причастить Св. Тайнъ. Въ пятницу 12-го, я видѣлся съ женою моею у комен-

¹⁾ 15 генераловъ, въ числѣ которыхъ были Головинъ и Башуцкій, ѣздили просить Государя, чтобы большее число было осуждено на смерть.

данта. Съ нею приѣхала моя теща, оба мои брата. Этого свиданія описать нельзя. Жена впиалась въ меня, братья бросились въ ноги и обнимали колѣна и теперь при воспоминаніи ихъ любви слезы навертываются на глаза. Теща была также очень нѣжна и много плакала.

Я возвратился въ свою тюрьму въ большомъ волненіи; часть ночи не спалъ—писалъ письмо, которое хотѣлъ отдать женѣ при первомъ свиданіи, другую часть отъ блохъ; наконецъ изнеможеніе навело сонъ. По утру всталъ, сталъ разговаривать съ сосѣдомъ, какъ вдругъ кровь хлынула горломъ и пошла какъ изъ кувшина. Поспѣшно прибѣжалъ лекаръ, далъ мнѣ всю нужную помощь. Кровь остановилась, волненіе продолжалось но не столь сильное; слабость овладѣла всѣмъ тѣломъ. Въ понедѣльникъ меня перевели въ № 3-й Невской куртины; мнѣ жалъ было разстаться съ сосѣдомъ и голосами знакомыми вокругъ меня, но я былъ слишкомъ слабъ и самъ не могъ принимать участія въ разговорахъ. Въ четвергъ всталъ я съ постели и могъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ довольно большой. Въ пятницу старались укрѣпить мои силы пищею и лекарствомъ, которымъ лекаръ снабдилъ меня въ запасъ. Вечеромъ велѣли изготавиться къ отѣзду и уложить присланное платье, бѣлье и пр. и ночью повели въ домъ коменданта. Я здѣсь встрѣтился съ Волконскимъ и Борисовыми, съ которыми долженъ былъ вмѣстѣ ѣхать. Камердинеръ Сукина, провелъ меня въ кабинетъ своего господина, который сказалъ мнѣ, что хочетъ проститься со мною; отдалъ мнѣ поклонъ отъ Маврина и сказалъ мнѣ, что я найду въ Пеллѣ жену мою, которая туда же отправилась; что въ крѣпости онъ не могъ мнѣ дать съ нею другого свиданія. Потомъ вышелъ къ намъ объявилъ, что Императоръ приказалъ отвезти насъ въ Сибирь въ каторжную работу закованными. Намъ надѣли кандалы

и посадили въ телѣги съ жандармами. Въ Пеллѣ я нашель жену мою и брата Александра, княгиню М. Н. Волконскую съ сыномъ. Жена сказала мнѣ, что она завтра же за мной выѣзжаетъ; мы пробыли вмѣстѣ часа два и разстались. Свѣжій воздухъ укрѣпилъ меня и не взирая на скорую ѣзду и тряску кибитки, я пріѣхалъ въ Иркутскъ совершенно здоровый.

Прибавленія къ запискамъ Кн. С. П. Т.

Россія стояла на высочайшей степени славы. Послѣдняя война породнила ея съ Европою. Успѣхи образованія, въ этой части свѣта имѣли болѣе нежели отголосокъ въ Россіи. Тѣсная связь, соединявшая Европейскія государства и укрѣпленная священнымъ союзомъ, заключеннымъ сильнѣйшими государствами, обѣщавшими всѣмъ народамъ усовершенствованіе государственныхъ постановленій, сообразно степени того просвѣщенія, которое въ послѣдніе годы, развилось въ Европѣ, признаніе ими представительнаго правленія за необходимость вѣка, введеніе его во Франціи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи и въ царствѣ Польскомъ доказывавшіе, что оно не есть принадлежность одной Англіи, все это заставляло полагать, что и обширнѣйшая Россійская Имперія не всегда будетъ управляема на существовавшихъ тогда началахъ. Императоръ Александръ не разъ выражалъ убѣжденіе свое въ превосходствѣ представительнаго правленія надъ самодержавнымъ. Онъ ввелъ его въ царствѣ Польскомъ, обѣщавъ распространить его и на польскія губерніи, прежде къ имперіи присоединенныя, еще ранѣе оставивъ въ Финляндіи прежній образъ ея правленія. Наконецъ далъ свободу крестьянамъ губерній: Выборгской, Эстляндской, Лифляндской и

Курляндской. Россіяне имѣли право надѣяться, что не однимъ завоеваннымъ ими народамъ суждено пользоваться правами свободы, недоступной для однихъ русскихъ. Государь въ рѣчи своей Сейму царства Польскаго, не помянулъ о Россіи, вѣроятно, полагая ее еще не созрѣвшею къ принятію представительнаго правленія, слѣдовательно требовалось приготовить къ тому, собственно русскихъ, сдѣлать ихъ способными къ принятію его и къ понятію истины, что всѣ граждане, какого бы сословія они не были, имѣютъ равное право на одинаковое покровительство законовъ, что законъ долженъ быть не изъявленіемъ воли одного лица, или даже и многихъ лицъ, но выраженіемъ потребности для сохраненія общественнаго порядка въ лучшемъ его видѣ. Тридцать лѣтъ протекло отъ начала Французской революціи. Ужасы ея, причины ихъ, послѣдствія, деспотизмъ Наполеона, порабощеніе народовъ были предметомъ вниманія мыслящихъ людей. Подобныя событія, при сходныхъ обстоятельствахъ, могли повториться во всякой другой странѣ. Язва крѣпостнаго состоянія крестьянъ располагаетъ Россію къ большимъ бѣдствіямъ, въ случаѣ внутреннихъ безпокойствъ, какъ былъ тому примѣръ во время Пугачева, нежели всякое другое Европейское государство. Развитіе промышленной образованности, не соединенное съ развитіемъ нравственнаго въ той же степени просвѣщенія, могло заставить крѣпостныхъ съ нетерпѣніемъ сносить свое состояніе, тѣмъ болѣе, что слухи о желаніи государя дать свободу крестьянамъ, должны были представить помѣщиковъ, какъ единственное препятствіе къ полученію ея. Поставить Россію на ту степень просвѣщенія, на которую она имѣла право по политическому своему положенію въ Европейскомъ мірѣ, и охранить ее отъ бѣдствій, могущихъ ее постигнуть при крутомъ переворотѣ, котораго никакое правительство ни

предвидѣть, ни остановить не въ состояніи, и которое можетъ быть послѣдствіемъ одного только несовершенства финансовой системы, въ то время, когда потребности государства увеличились, — вотъ цѣль, которая представлялась обществу, и къ ней должны были стремиться его усилія. Для выполненія нужно было изслѣдовать въ чемъ состояли недостатки ея правленія и откуда они происходили. Выполнить ее казалось возможнымъ не инымъ путемъ, какъ воспитаніемъ, такъ сказать, народа. Россія представляла обширное государство, составленное изъ частей разнородныхъ. Разныя части, разныя поколѣнія ее обитающія, имѣли различныя права, различные законы, различную вѣру. Состояніе высшаго класса т. е. дворянства, почти во всѣхъ частяхъ одинаково, но состояніе низшаго, простого народа весьма различное. Въ Финляндіи свобода; въ народахъ магометанской вѣры и идолопоклонническихъ также; въ прибалтійскихъ губерніяхъ только что она возникла; въ царствѣ польскомъ существовала въ законахъ, но не на самомъ дѣлѣ; одни только христіане, и то большею частію, православные, подчинены необузданной волѣ помѣщиковъ. Крестьяне казенные, велико-россійскіе и украинскіе, такъ называемые казаки, одни изъ русскихъ не несутъ помѣщичьяго ига, но и не пользуются правами свободныхъ состояній. Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ также не ровное: одни оброчные, другіе пахотные, третьи фабричные, четвертые и то, и другое и третье вмѣстѣ. Никакая мѣра, никакой законъ не опредѣляютъ повинности. Помѣщикъ налагаетъ ее по произволу. Изъ оброчныхъ сажаетъ на пашню, если ему разсудится, или, отрывая отъ земли, заводитъ фабрику. Несчастные жители арендныхъ имѣній, и даже многихъ помѣщиковъ въ Бѣлороссіи, Литвѣ и польской Украинѣ, живутъ почти круглый годъ

мѣсячной дачею, не имѣя ничего собственнаго. Пьянство одна отрада ихъ, и отъ него лучшій доходъ помѣщика. Государственные доходы основаны на безнравственности народа; правосудіе продажное; взятки должный доходъ чиновника.

Вотъ зло, съ которымъ должно было вступить въ борьбу, и чрезъ его только истребленіе, можно было надѣяться водворить въ отечествѣ благосостояніе. Этотъ подвигъ общество поставило себѣ обязанностію и уставъ долженствовалъ быть составленъ такъ, чтобы вель къ выполненію его. Достигло ли того общество сочиненіемъ его, есть вопросъ, который я рѣшить не берусь, но думаю, что если вполнѣ не достигло, то, по крайней мѣрѣ, не удалилось отъ предмета своей цѣли. Вас. Андр. Жуковскій, которому онъ былъ вполслѣдствіи предложенъ для чтенія, возвращая его сказалъ, что уставъ заключаетъ въ себѣ мысль такую благодѣтельную и такую высокую, для выполненія которой требуется много добродѣтели, и что онъ счастливымъ бы себя почелъ, если бы могъ убѣдить себя, что въ состояніи выполнить его требованіе, но что къ несчастію, онъ не чувствуетъ въ себѣ достаточно къ тому силы.

Предположеніе, что обнародованнымъ завѣщаніемъ Александра можно было всѣхъ заставить присягнуть 27 ноября назначенному имъ наслѣднику, Николаю, не полагаю правильнымъ.

Увѣренъ, что въ большей части Россіи чиновники, дворянство и другія сословія присягнули бы назначенному наслѣднику, получивъ о томъ указъ сената, но это они сдѣлали бы по привычкѣ исполнять все то, что предписано. Ихъ можно было бы погнать къ присягѣ, какъ загоняютъ барановъ въ хлѣвъ, но не такъ легко было заставить присягнуть армію, а гвардію, считаю, вовсе бы

было невозможно къ тому принудить. Кто служилъ въ полкахъ, тотъ знаетъ, что русскій солдатъ судить о всякомъ приказаніи, которое даетъ ему начальникъ. Онъ повинуется безпрекословно всему тому, что воинскій уставъ отъ него требуетъ, но когда требованіе выходитъ изъ предѣла военныхъ узаконеній, то сейчасъ встрѣчается сопротивленіе. Обольстить русскаго солдата нельзя никакими обѣщаніями, онъ подобно народу не имѣетъ никакой вѣры въ правительство, а терять ему нечего. Офицеры, при всей своей необразованности знаютъ, что войско составляетъ силу правительства и не имѣетъ наклонности къ безусловному повиновенію. Первое сопротивленіе и самое опасное, оказалось бы въ гвардіи. Если бы гвардія состояла изъ какого нибудь небольшого числа полковъ, то можетъ быть можно было отклонить ихъ отъ вѣрности къ своему долгу какими нибудь существенными выгодами, напримѣръ дать солдатамъ большое жалованье, сократить срокъ службы, обезпечить достаточною пенсіею по отставкѣ, облегчить самую службу,—но, въ томъ составѣ, въ которомъ находилась гвардія невозможно было и подумать сдѣлать подобныя обѣщанія; никто не повѣрилъ бы, что они могутъ быть выполнены. Корпусъ офицеровъ, также слишкомъ многочисленъ, чтобы можно было его купить такими приманками. Въ числѣ командующихъ войсками генераловъ, конечно можно было можетъ быть многихъ заставить забыть обязанности свои предъ отечествомъ, но они были бы бессильны противъ корпуса офицеровъ и солдатъ. Александра, если бы и не любили гвардейцы, то привыкли въ теченіи 25-ти лѣтняго царствованія ему повиноваться и много было еще въ гвардіи солдатъ, служившихъ во время войны съ французами и видѣвшихъ царя, раздѣлявшаго съ ними военныя опасности и я вѣрю, что воля его изустно имъ произнесенная, была бы для

нихъ священною, по объявленіе, по смерти его, духовнаго его завѣщанія непремѣнно бы было сочтено подлогомъ.

Константинъ, также былъ слишкомъ извѣстенъ гвардіи, чтобы можно было его обойти. Онъ въ умѣ каждаго былъ законнымъ наслѣдникомъ въ случаѣ кончины своего брата. Какая власть въ государствѣ осмѣлилась бы отлучить его отъ престола, который ему приходился по праву наслѣдства, чтимаго всѣмъ народомъ? Высшая правительственная власть сенатъ, онъ передаетъ Высочайшіе указы для исполненія, онъ обнародываетъ новые законы, — онъ важенъ во мнѣніи гражданскихъ чиновъ и не служащихъ сословій, но войско знаетъ его только по имени, онъ для войска ровно ничего и не имѣетъ къ нему никакого отношенія, армія знала только Высочайшіе приказы, объявляемые начальникомъ штаба Его Императорскаго Величества, — сенатъ не могъ бы указомъ своимъ извратить право престолонаслѣдія. Чего не могло бы сдѣлать первое правительственное мѣсто въ государствѣ, то еще менѣе могъ сдѣлать Великій князь, который по закону не имѣлъ никакого права наслѣдовать при жизни старшаго брата. Такое притязаніе имѣло бы видъ похищенія. По всѣмъ этимъ причинамъ почитаю предположеніе о возможности заставить 27 ноября присягнуть Николаю несбыточною мечтою.

Къ несчастію, общественное устройство въ Россіи еще и до сихъ поръ таково, что военная сила одна безъ содѣйствія народа, можетъ не только располагать престоломъ, но измѣнить образъ правленія. Достаточно заговора нѣсколькихъ полковыхъ командировъ, чтобы возобновить явленія подобныя тѣмъ, которые возвели на престолъ большую часть царствовавшихъ въ прошедшемъ вѣкѣ особъ. Благодаря промыслу, нынѣ просвѣщеніе распространило понятіе, что подобныя дворцовые перевороты не ведутъ ни къ чему доброму, что лицо сосредоточивающее

въ себѣ власть не сильно устроить благоденствіе народа въ теперешнемъ его быту; но, что только усовершенствованный образъ государственнаго устройства можетъ современемъ искоренить злоупотребленія и притѣсненія, неразлучныя съ самодержавіемъ. Лицо, имъ облеченное, какой бы оно ни горѣло горячей любовью къ отечеству, не въ состояніи поселить этого чувства въ людяхъ, которымъ оно, по необходимости, должно удѣлять часть своей власти.

Нынѣшнее государственное устройство не можетъ всегда существовать и горе, если оно измѣнится чрезъ возстаніе народа. Обстоятельства, сопровождавшія возшествіе на престоль, нынѣ царствующаго государя, были самыя благопріятныя для введенія новаго порядка въ государственномъ устройствѣ безъ опаснаго участія народнаго. Но высшіе государственные сановники, или не постигли того, или не желали его введенія. Сопротивленіе котораго по духу овладѣвшему тогда гвардейскимъ войскомъ должны были ожидать, не имѣя благодѣтельнаго направленія, должно было разрѣшиться беспорядочнымъ бунтомъ. Тайное Общество взяло на себя обратить его къ лучшей цѣли.

Солдаты гвардейскихъ полковъ, какъ уже сказано, не ожидали никакой перемѣны въ престолонаслѣдіи. Они съ увѣренностію ожидали пріѣзда Императора, которому присягнули. Подсылаемые въ полки люди, съ распущеніемъ слуха о возможности отреченія Константина, были солдатами дурно приняты.

Развѣдованіе, произведенное офицерами принадлежащими къ Тайному Обществу, или содѣйствовавшими ему, убѣдили ихъ, что солдаты не будутъ согласны дать новую присягу и, что только изустное объявленіе Константина, что онъ передаетъ брату престоль, можетъ увѣрить

ихъ въ истинномъ отреченіи его. Полки, изъ которыхъ имѣли извѣстія были: Измайловскій, Егерскій, Лейбъ-Гренадерскій, Финляндскій, Московскій, Морской экипажъ и частью артиллерія; сверхъ того, Преображенскій очень былъ не расположенъ къ Николаю Павловичу. Планъ дѣйствія былъ основанъ на упорствѣ солдатъ остаться вѣрными Императору, которому присягнули, въ чемъ общество и не ошиблось, и составленъ былъ слѣдующимъ образомъ. Какъ скоро собраны будутъ полки для новой присяги и солдаты окажутъ сопротивленіе и не захотятъ, или будутъ колебаться дать ее, то офицеры будутъ стараться вывести ихъ со дворовъ, на которыхъ они собраны будутъ. Первый полкъ съ барабаннымъ боемъ долженъ идти къ другому, который къ нему пристанетъ. Такимъ образомъ надѣялись имѣть не только тѣ полки, на которыхъ рассчитывали, но увлечь и другіе. Лейбъ-Гренадерскій долженъ былъ прямо идти къ арсеналу и занять его. Собраннымъ полкамъ собраться на площади Петровской и заставить сенатъ издать манифестъ, въ которомъ прописаны будутъ чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія и для разрѣшенія которыхъ назначаются, въ назначенный срокъ, выбранные люди отъ всѣхъ сословій для утвержденія за кѣмъ остаться престолу и на какихъ основаніяхъ. Между тѣмъ сенатъ долженъ былъ утвердить временное правленіе, пока не будетъ утвержденъ новый Императоръ общимъ соборомъ выбранныхъ людей. Общество намѣревалось предложить въ временное правленіе Мордвинова, Сперанскаго и Ермолова. Срокъ службы военной для рядовыхъ сократить до 15-ти лѣтъ. Временное правленіе должно составить проектъ государственнаго уложенія, въ которомъ главные пункты должны быть: учрежденіе представительнаго правленія, по образцу Европейскихъ государствъ, и освобожденіе крестьянъ отъ

крѣпостной зависимости. По обнаруженіи сенатомъ манифеста, войско должно было выступить изъ города, протянувъ 2-е баталіоны и расположиться въ окрестностяхъ. Это было условіе, на которомъ обѣщано чрезъ Батенкова содѣйствіе нѣкоторыхъ членовъ государственнаго совѣта, которые требовали чтобы ихъ имена остались неизвѣстными. Но, однако же, никто изъ этихъ лицъ не возвысилъ своего голоса въ эти дни, въ которые отозвался бы ему сильный отголосокъ. Недостатокъ ли духа, или любви къ отечеству, или попеченія о собственныхъ выгодахъ замкнули уста? Только никто не смѣлъ выразить мысли о возможности и надобности улучшить государственныя постановленія. Негодованіе высшаго круга столицы на странное положеніе, въ которомъ находилось государство, изъяснялось одними плоскими насмѣшками. Другіе классы общества молча ожидали окончанія междуцарствія. Они понимали свою незначительность, хотя впрочемъ, болѣе были склонны къ Константину, но только, потому что предполагали въ пожиломъ человѣкѣ болѣе опытности, нежели въ молодомъ, который до тѣхъ поръ занимался единственно фронтальной службой.

Народъ былъ вообще равнодушенъ. Одни военные искренно желали, чтобъ Константинъ остался Императоромъ. Имъ молодые великіе князья надоѣли. Гвардейскіе офицеры ожидали съ нетерпѣніемъ пріѣзда своего Государя и солдаты, ничего не зная о происходившемъ, не ожидали никакой перемѣны и увѣрены были, что Государь скоро къ нимъ пріѣдетъ. Можно утвердительно сказать, что эта увѣренность солдатъ была причиною спокойствія столицы въ эти дни, и этимъ обязаны бывшему военному губернатору, графу Милорадовичу, съ самаго начала и до конца сохранившему присутствіе духа, хладнокровную и твердую дѣятельность. Онъ былъ единствен-

нымъ виновникомъ присяги законному наслѣднику и устраненію духовнаго завѣщанія покойнаго Государя; убѣдилъ великаго князя Николая покориться власти закона и терпѣливо ожидать отреченія Константина. Мѣры, принятыя имъ содержали въ спокойствіи гвардію, а народъ въ неизвѣстности о происходившихъ переворотахъ и о томъ, что готовится какое либо необыкновенное событіе. Онъ смѣло принялъ на себя всю власть, которая заключалась въ высшихъ государственныхъ мѣстахъ, и полную отвѣтственность за спокойствіе не только одной столицы, но и всего государства. Убѣжденному имъ великому князю Николаю Павловичу нельзя также не отдать той справедливости, что онъ при всемъ своемъ желаніи престола, побуждаемый, сверхъ того, голосомъ придворныхъ, умѣлъ однако же владѣть собою и подчиниться съ покорностью закону. Престоль и самодержавіе имѣетъ столько прелести, что рѣдкій на мѣстѣ Николая, сталъ бы ожидать его терпѣливо отъ благоволенія другого. Константинъ, конечно, изъявилъ прежде, что онъ отказывается отъ наслѣдства и теперь, что не хочетъ власти, но все это было тогда, когда еще власть не была въ его рукахъ, а теперь, когда вся обширная Имперія присягнула ему въ вѣрности, можно ли было ручаться, что онъ останется столько же равнодушнымъ къ власти? Онъ имѣлъ бы достаточно извиненій для принятія престола, на который возведенъ былъ безъ предварительнаго согласія и въ исполненіе государственныхъ законовъ о первородствѣ. Умѣренность Николая, въ этихъ обстоятельствахъ тѣмъ замѣчательнѣе, что на противное поведеніе, съ его стороны, поощрялъ его голосъ придворныхъ и молчаніе всѣхъ безъ исключенія важнѣйшихъ сановниковъ государства, а удержанъ онъ былъ однимъ графомъ Милорадовичемъ. Какъ легко было великому князю заставить го-

сударственный совѣтъ и правительствующій сенатъ исполнить всякую его волю, является изъ послѣдовавшихъ ранѣе и позже происшествій. Въ первомъ собраніи совѣта, гдѣ было объявлено извѣстіе о смерти Александра одинъ только голосъ графа Милорадовича былъ слышенъ; прочіе члены безмолвно приступили къ его мнѣнію. Сенатъ также покорился его волѣ. Когда Константинъ упорно отказался въ присылкѣ манифеста о своемъ отреченіи, не принявъ даже посланныхъ съ объявленіемъ ему о принесенной всѣми сословіями присягѣ, ни совѣтъ, ни сенатъ не помыслили о томъ, что одно только высшее правительственное мѣсто имѣетъ власть, объяснивъ народу все случившееся удостовѣрить его въ истинѣ отреченія Константина и несомнѣнномъ, вслѣдствіе того, правѣ Николая на престолъ. Что всякій иной образъ возшествія Николая долженъ имѣть предъ народомъ видъ похищенія. Если не робость виною этого молчанія, то оно доказываетъ совершенное незнаніе въ государственныхъ сановникахъ политическихъ правъ. Николай, оказаннымъ уваженіемъ законовъ, заслужилъ признательность отечества и, если бы онъ до конца сохранилъ тоже поведеніе и не издалъ бы манифеста отъ своего имени, то онъ восшелъ бы на престолъ спокойно. Но здѣсь уже боязнь унижить самодержавную власть, взяла верхъ надъ всякимъ другимъ разсужденіемъ.

Между тѣмъ Тайное Общество слѣдившее неусыпно за всѣми происшествіями и хорошо извѣщенное о всѣхъ малѣйшихъ обстоятельствахъ опредѣлило, въ предположеніи воцаренія Константина, пріостановить свое дѣйствіе и ограничиться на нѣкоторое время наблюденіемъ какой ходъ примутъ дѣла при новомъ Императорѣ. Когда же начали сомнѣваться въ принятіи престола Константиномъ и, узнавъ о духѣ войска убѣдились, что восшествіе на пре-

столю Николая не может послѣдовать безъ сопротивленія, то стали помышлять о томъ, чтобы извлечь изъ этого обстоятельства всю ту пользу для Россіи, которую дѣйствіе Общества до тѣхъ поръ могло обѣщать ей только въ неопредѣленной отдаленности. Оно могло дѣйствовать въ единственномъ предположеніи, что Константинъ не издастъ отъ собственнаго лица манифеста о своемъ отреченіи, иначе возстаніе было бы неповиновеніемъ законной власти и должно было бы дѣйствовать на военную силу обольщеніемъ. Въ случаѣ даже совершенной удачи, не возможно было предвидѣть къ какому концу это приведетъ и нельзя было надѣяться, чтобы порядокъ и спокойствіе сохранились въ государствѣ. Общество знало, что сенату не будетъ предоставлено изданіе манифеста, а что самъ онъ не осмѣлится взять это на себя, но безусловно исполнить то, что повелѣно будетъ. Давно онъ уже пересталъ считать себя первымъ государственнымъ мѣстомъ, хотя и считался еще таковымъ въ народѣ. Выше его были уже комитетъ министровъ и совѣтъ. Въ послѣднемъ скорѣе можно было найти людей способныхъ взвѣсить всю важность настоящихъ обстоятельствъ. Большой наклонности отъ нихъ къ Николаю Павловичу не должно было ожидать, а скорѣе должно было полагать, что они предпочитаютъ Константина, ибо въ противномъ случаѣ, они поддержали бы князя Голицына и подали бы мнѣніе, что слѣдуетъ исполнить духовную, но этого никто не сдѣлалъ. Нельзя было полагать, чтобы кто изъ нихъ рѣшился выразить такое мнѣніе, которое не будучи поддержано прочими членами, непременно подвергло бы подавшаго немилости будущаго Государя. Слѣдовательно не должно было ожидать никакого начинанія отъ высшихъ государственныхъ мѣстъ или лицъ, и Обществу осталось дѣйствовать собственными силами. Оно чувствовало себя слишкомъ

слабымъ для того. Столица, гдѣ должно было все рѣшиться заключала въ себѣ небольшое только число членовъ, прочіе были разсѣяны по всему пространству обширной Россійской имперіи. Нѣкоторые были заграницей: Тургеневъ, Бибииковъ, Перовскій. Не смотря на то, обстоятельства казались такъ благоприятными, что они рѣшились испытать свои силы и подвергнуться всѣмъ личнымъ бѣдствіямъ, въ которыя неудача должна была погрузить ихъ. Они давно уже обрекли себя служенію отечества и презрѣли страхъ безславія. Общество не имѣло опоры въ старшихъ чинахъ гвардіи. 2-е баталіоны полковъ стояли не въ городѣ, но въ окрестностяхъ, а баталіонные командиры Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка бывшіе членами общества, отказали въ своемъ содѣйствіи. Семеновскаго полка командиръ Шиповъ, признался Трубецкому, что онъ далъ слово великому князю Николаю привести свой полкъ къ присягѣ, какъ скоро получить отъ него приказаніе. Къ членамъ изъ оберъ-офицеровъ присоединились всѣ тѣ, которые отозвались несогласными дать присягу новому Императору, если Константинъ не объявитъ о томъ изустно предъ войскомъ, или изданнымъ отъ себя манифестомъ. Многимъ изъ таковыхъ даже не было извѣстно о существованіи Общества и они дѣйствовали просто по убѣжденію долга.

Сколь человѣкъ ни бываетъ привязанъ къ жизни, но онъ готовъ рисковать ею за всякую бездѣлицу. Вездѣ, гдѣ какая нибудь страсть овладѣетъ разсудкомъ, человѣкъ жертвуетъ ею, хотя въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ дорожить очень бытіемъ своимъ. Но во всѣхъ почти случаяхъ за такую жертву онъ ожидаетъ какого нибудь вознагражденія и сверхъ того есть какая нибудь надежда на счастливый случай. Когда же идетъ дѣло на то, чтобъ хладнокровно предаться опасности, утратить жизнь и,

сверхъ того, подвергнуться можетъ быть безславію и позорной смерти, то не достаточно одной врожденной храбрости. Человѣкъ дорожащій честью не иначе рѣшится на такой поступокъ, какъ въ полномъ убѣжденіи, что прошедшая жизнь его и возложенныя на него обязанности требуютъ этой великой отъ него жертвы. Члены Общества рѣшившись исполнить то, что почитали своимъ долгомъ и на что обрекли себя при вступленіи въ Общество, не убоялись позора. Они не имѣли въ виду для себя никакихъ личныхъ выгодъ; не мыслили о богатствѣ, почестяхъ и власти. Они все это предоставляли людямъ непринадлежащимъ къ ихъ Обществу, но такимъ, которыхъ считали способными по истинному достоинству или по мнѣнію, которымъ пользовались, — привести въ исполненіе то, чего они всѣмъ сердцемъ и всею душою желали: поставить Россію въ такое положеніе, которое упрочило бы благо государства и оградило его отъ переворотовъ, подобныхъ французской революціи и, которые къ несчастію, продолжаютъ еще угрожать ей въ будущности. Словомъ, члены Тайнаго Общества Союза Благоденствія, рѣшились принести въ жертву отечеству жизнь, честь, достояніе и всѣ преимущества какими пользовались, — все что имѣли безъ всякаго возмездія.

Члены собирались у Рылѣва и у другихъ сообщниковъ и Рылѣвъ пришелъ объявить Трубецкому, что его избрали диктаторомъ. Трубецкой, найдя въ Петербургѣ очень немногихъ изъ членовъ ему знакомыхъ, хотѣлъ прежде узнать кто поступилъ въ члены со времени его отсутствія, и какими средствами можетъ Общество располагать. Для этого собирались, по вечерамъ у Рылѣва, и оказалось, что прибавилось только изъ молодежи, имѣвшей мало вѣса, а тѣ изъ старшихъ членовъ, которые могли имѣть вліяніе на части войскъ имъ подчиненныя,

отказались дѣйствовать. Такимъ образомъ единственное средство дѣйствовать, было воспользоваться упорствомъ солдатъ если, какъ утверждали офицеры разныхъ полковъ, они его окажутъ. Въ случаѣ пріѣзда Константина, старшіе члены положили между собою просить его о принятіи короны и потомъ стараться пріобрѣсть его довѣренность и воспользоваться ею для ограниченія власти будущаго наслѣдника. Скоро однако же убѣдились, что пріѣздъ Константина сомнителенъ, и должно было подумать о томъ, какъ дѣло привести въ исполненіе другимъ образомъ. Трубецкой предложилъ, чтобъ первый полкъ, который откажется отъ присяги, былъ выведенъ изъ казармъ, и шелъ съ барабаннымъ боемъ къ казармамъ ближняго полка, поднявши который, оба вмѣстѣ продолжаютъ шествіе далѣе къ другимъ сосѣднимъ полкамъ. Такимъ образомъ онъ надѣялся, что одинъ полкъ будетъ увлеченъ другимъ, и почти всѣ соберутся въ одну значительную массу, къ которой примкнутъ и баталіоны полковъ, находившіеся внѣ города. Чтобъ Лейбъ-Гренадерскій полкъ завладѣлъ арсеналомъ, а Финляндскій—Петропавловской крѣпостью. Предложеніе Трубецкого не отвергнули, но многіе изъ горячихъ членовъ положили, что надобно идти на Сенатскую площадь съ тѣмъ, чтобы заставить сенаторовъ, какъ сказано выше, издать манифестъ. Надъ войсками, которыя соберутся на площади, принять начальство полковнику Булатову. Рылѣевъ, можетъ быть, думалъ, что Трубецкой обидится выборомъ когда онъ пришелъ ему это объявить, прибавивъ: «васъ гвардія не знаетъ, а Булатова знаютъ солдаты всѣхъ полковъ и онъ очень любимъ».

Утромъ 14-го числа, когда всѣ полки выведены были для прочтенія новаго манифеста и принесенія новой присяги солдаты, почти всѣхъ полковъ, изъявили недовѣр-

чивость, какъ то было предвидѣно не одними членами Общества, но и непосредственнымъ начальствомъ, которое старалось узнать духъ солдатъ. Но они, большею частію, настаивали на отрицательномъ упорствѣ, только Московскій, Гренадерскій и Морской экипажъ послѣдовали за нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ. Предположеніе Общества не было выполнено и вышедшіе полки прямо сошлись, каждый самъ по себѣ предъ сенатомъ. Въ другихъ полкахъ не было офицеровъ, которые достаточно пользовались бы довѣренностью солдатъ, и люди, хотя уперлись въ неповиновеніи требованіямъ высшихъ властей, но полки простояли смирно, во фронтѣ, и не пристали къ дѣйствовавшимъ, хотя послѣ и признались, что очень желали присоединиться. Всегда и вездѣ, въ подобныхъ случаяхъ, нужно, чтобы кто нибудь далъ толчекъ и тѣмъ вывелъ изъ бездѣйствія.

Графъ Милорадовичъ хотѣлъ уговорить возмущившіяся покориться, но одинъ изъ членовъ общества, изъ неслужащихъ Каховскій, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета и ранилъ смертельно. Два Митрополита присланы были увѣщевать войско, но ихъ просили удалиться. Атаки конной гвардіи остались безуспѣшны. Наконецъ нѣсколько выстрѣловъ картечью разсѣяли непокорныхъ. Артиллеристы не хотѣли палить, и одинъ изъ ихъ офицеровъ самъ долженъ былъ приложить фитиль къ первому орудію.

Разсѣянное войско разбрелось по дворамъ домовъ въ окружности Сената и утромъ 15 числа все было захвачено и препровождено въ Петропавловскую крѣпость. Туда же отправлены всѣ офицеры и другія лица, взятыя на площади, или послѣ арестованные, но прежде всѣ, кромѣ нижнихъ чиновъ, представляемы были во дворецъ, гдѣ Николай Павловичъ самъ ихъ допрашивалъ. Послѣдствія содержанія ихъ въ крѣпости, изслѣдованія Тайнаго Коми-

тета, Верховный Уголовный Судъ, наряженный изъ трехъ высшихъ государственныхъ сословій: Синода, Совѣта и Сената, къ которымъ были присоединены еще особыя лица, и который судилъ не призвавъ предъ себя подсудимыхъ, и приговоръ произнесенный имъ, всѣмъ извѣстенъ.

Сколько же въ послѣдовавшей на него резолюціи царствующей Императоръ послѣдовалъ собственному побужденію и сколько въ ономъ принадлежитъ вліянію чуждому, вѣроятно на всегда останется тайной. Извѣстно слѣдующее:

1) Императрица Марія Ѳедоровна получила, какъ сама сказывала (между прочимъ Карамзиной, женѣ исторіографа) въ Москвѣ отъ Николая Павловича письмо, въ которомъ онъ ее успокаивалъ и обѣщалъ, что по приговору не будетъ пролито крови.

2) 9 іюля вечеромъ поздно, наканунѣ объявленія осужденнымъ высочайше утвержденнаго приговора, Опочининъ былъ у Императора въ Красномъ Селѣ, и онъ сказалъ ему, что въ своей конфирмаціи онъ удивить всѣхъ своимъ милосердіемъ.

3) Упрашивали, чтобъ смертный приговоръ утвержденъ былъ надъ 9-ю человекѣми (9-й былъ князь Оболенскій, на котораго особенно злились), стоявшими въ головѣ списка осужденныхъ. Въ числѣ ихъ 6-мъ былъ Трубецкой, которому Николай Павловичъ, по сдѣланномъ 15-го декабря у себя въ кабинетѣ допросѣ и предъ отправленіемъ въ крѣпость, подавъ четвертку листа бумаги, приказалъ написать къ женѣ, что онъ живъ и здоровъ будетъ; и когда Трубецкой ограничился одними словами живъ и здоровъ, то онъ повторилъ приказаніе написать буду.

Отчетъ напечатанный правительствомъ, по окончаніи слѣдствія, произведеннаго составленнымъ на то Тайнымъ

Комитетомъ, представилъ тогдашнее дѣйствіе Общества, какъ какое то безразсудное злоумышленіе людей порочныхъ, развратныхъ, сумазбродно желавшихъ только произвести въ отечествѣ смуты и не имѣвшихъ никакой благородной цѣли, кромѣ ниспроверженія существующихъ властей и водворенія въ отечествѣ безпорядка.

